

АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ
АЛЕКСАНДР ШАПОЧКИН

РУБИЖОН

FANTASY ★ WORLD

Fantasy-world

Александр Шапочкин

Рубикон

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шапочкин А. И.

Рубикон / А. И. Шапочкин — «АСТ», 2018 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-110340-8

Бабушки бывают разные. Одни дарят нам свитера, связанные своими руками, а другие – замки и титул герцога. Но и те и другие считают, что лучше знают, что хорошо для внуков. Иногда это оборачивается большими проблемами. Так Кузьма-Варлок после визита к бабушке обнаружил себя неизвестно где. Приходится выбирать, попутно проводя воспитательную работу с местным населением. Ведь принять то, что это ацтеки, Кузьма вполне мог, чай не расист, но приносить эльфиек в жертву все же не стоит, они еще пригодятся.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110340-8

© Шапочкин А. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Широков, Александр Шапочкин Варлок. Рубикон

© Алексей Широков, Александр Шапочкин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Хотим выразить благодарность всем, кто поддерживал нас и помогал создавать эту книгу. Нашим родным и близким, а также добровольным бета-ридерам, проделавшим огромный труд. Это Роман Кувалдин, Евгений Песин, Вадим Лихота, Игорь Greg Липченко, Роман Владимирович Синченко, Борис Ипатов.

Глава 1

Угловатые машины немцев «бочкой» ушли в разные стороны, заложив крутой разворот, а наш самолет начал заходить на посадку. Махать крылом у суровых германских летчиков было, видимо, не принято, и своим лихим синхронным виражом они как раз обозначили свое прощание.

Борт «номер два» начал медленно снижаться. Не знаю почему, но подобного волнения я не испытывал, находясь в орбитальном челноке. А тут – уже второй раз подряд у меня складывалось впечатление, что мы просто разобьемся, вместо того чтобы нормально приземлиться на посадочную полосу.

Посадив Аську на колени и велев крепко держаться за меня, я обхватил руками Ленку с Инной и приготовился... ко всему сразу, вплоть до того, что на нас сбросят ядерную бомбу, стоит самолету остановиться. Была просто твердая уверенность, что если что-то случится, то благодаря моей силе мы выживем.

Самолет мягко коснулся покрытия выпущенными шасси и начал тормозить. Когда же мы остановились, я вздохнул с облегчением, девушки ласково так, синхронно погладили меня по голове. Как маленького...

– Ну... мало ли что... – буркнул я, отпуская улыбающихся супруг и Касимову, а вот Аська разделяла мои чувства и вставать не спешила, кажется, не шибко веря, что железная птица благополучно опустила ее на землю.

Собственно, повторялась картина, случившаяся после перелета в Америку, когда «Снежную деву» пришлось буквально отрывать от меня. В любом случае, как и в прошлый раз, Ленка с Инной в результате справились с малявкой и все троим отправились в расположенную в хвосте комнатку, готовиться к «торжественному выходу».

Борт «номер два» медленно вырулил со взлетной полосы и сейчас двигался вдоль рядов разноцветных лайнеров, многие из которых были соединены телескопическими переходами с терминалами Рейн-Майнского аэрокосмопорта. К остальным самолетам один за другим подъезжали специальные автобусы. Водители останавливали свои машины под люками, аккуратно занимая заранее расчерченные на асфальте прямоугольники, после чего пассажирский салон поднимался на уровень дверей лайнера и вытягивался рукав перехода, по которому в него попадали люди.

Попросив у нашей улыбчивой стюардессы, бывшей к тому же воином немалого пятого ранга, налить мне чаю, я с интересом рассматривал кубические корпуса аэропорта, блестящие под рассветными лучами восходящего солнца, когда заметил, как к брюху нашего самолета пристроились шесть военных машин. Выровняв скорость, они взяли борт «номер два» в коробочку и теперь неотрывно следовали вместе с ним, в то время как пилот выруливал летательный аппарат к одному из известных цели.

– Это что? – спросил я женщину, поставившую передо мной чашечку с ароматным напитком, кивнув в сторону похожего на кирпич темно-зеленого броневилика. – Почетный эскорт?

– Повышенные меры безопасности, – просветила меня стюардесса, скромно сложив ручки на подоле. – В Землях Германской Нации сейчас введен желтый режим террористической угрозы в связи с особой активностью террористической организации «Освободительное движение Великой Албании».

– Блин, и здесь беспокойно! – я грустно ухмыльнулся, а затем, подцепив чашечку за ручку, отпил маленький глоточек горячего напитка. – Кстати. Куда это мы едем?

– Самолет движется к третьему VIP-терминалу.

– Понятно. – Я кивнул, как будто это действительно мне о чем-то говорило.

Высоко в небе гроыхнула орбитальная фура, входя в плотные слои атмосферы и начиная торможение с выходом на расположенную неподалеку посадочную полосу, предназначенную для подобных аппаратов. Приземляясь, а точнее «падала», она почти вертикально, высоко задрав свой тупой нос кверху. Лишь незадолго до касания земли пилот слегка поменял угол, и, когда космический аппарат скрылся за ангарами, раздался тяжелый взрыв, а над постройками поднялось алое зарево.

– Это они навернулись, что ли? – произнес я, привстав.

– Нет, ваша светлость, – с мягкой улыбкой, успокаивающе произнесла оставшаяся невозмутимой женщина. – Посадка на взрывную подушку прошла штатно. Просто в этом аэрокосмопорту из-за дефицита свободного пространства приземления производятся на так называемую «пятку». Металлокерамический круг полукилометрового диаметра со специализированной системой торможения аппарата, расположенный в небольшом искусственном кратере. Уверяю вас, что это абсолютно безопасно, исключена даже ошибка, связанная с человеческим фактором, во время наведения и последующего падения орбитальной фуры.

– И что? Здесь постоянно так грохочет? – расслабляясь, я задал новый вопрос, вновь усаживаясь на место и потянувшись к чашке.

Ответить стюардесса мне не успела. Из задней комнаты выскочила полуодетая Инна и, увидев меня, всплеснула руками.

– Я так и знала! – воскликнула она, подбегая и хватая меня под локоть, потянув за собой. – Мы, понимаешь ли, волнуемся, а он тут чай гоняет, вместо того чтобы собираться.

– А я и так, всегда... – хмыкнул я. – Как юный пионер!

– Готов он! – наигранно ахнула девушка и потащила меня уже двумя руками. – Ты посмотри, во что ты одет!

– А что? – я мельком глянул на свой довольно элегантный костюм, в котором покинул недружелюбные земли нашего заклятого стратегического партнера. – По-моему, все о'кей.

– Это по-твоему! – прошипела цесаревна, и я наконец-то позволил вытащить себя из кресла. – Где это видано, чтобы человек в твоём положении два раза подряд показывался перед журналистами в одном и том же. Да нас засмеют.

– Эй! Это насилие над организмом! Я буду жаловаться! В «Спортлото», «Очевидное-невероятное» и «АБВГДейку»! – заявил я, когда меня бесцеремонно запихнули в спальную каюту, прямо в руки к красной как рак и почему-то совершенно голой Ленке, из одежды на которой были только белые чулочки. – Эт-т-то что еще такое?

– Раздевай его! – тоном, не терпящим возражений, заявила Инна, после чего, дунув, откинула выбившийся локон волос с лица и метнулась к одному из шкафов.

Касимова-младшая, стараясь не смотреть мне в глаза, тут же приступила к выполнению приказа, ловко расстегивая пуговицы.

– Э-э-э! Дамы! Вы что творите при ребенке! – воскликнул я, попытавшись вырваться из цепких ручек боевой горничной. – Ленка, ты хоть стыд поимей, надень на себя что-нибудь!

– Некогда, – буркнула девушка, продолжая избавлять меня от верхней одежды. – Прости.

– Да ладно. Но я и сам переодеться могу! – поймав запястья Касимовой техникой липких рук, я быстро пресек дальнейшие поползновения в мою сторону, а затем ловко закрутил девицу, развернув ко мне спиной, и, не удержавшись, звонко шлепнул по аппетитной попке, от чего девушка, совершенно не ожидавшая подобного, тихонько взвизгнула. – Иди, одевайся, эксгибиционистка начинающая!

– А ну, прекратили! – рыкнула на нас Инна, выглядывая из-за дверки шкафа. – Сам так сам! Только побыстрее, у нас времени мало!

– Да что за спешка-то? – буркнул я, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

– Мама Нина звонила, – тяжело вздохнув, сообщила мне Аська. – Вот они и начали суе-
титься.

Девочка была уже упакована по полной программе в черно-красное платье и напоминала сейчас фарфоровую викторианскую куколку. Особенно из-за старомодного чепчика, украшенного белой шелковой розой. При этом дочка сидела на кровати, болтая ножками, обутыми в полусапожки, и с нескрываемым ехидством наблюдала за происходящим.

– А вы, юная леди, – строго посмотрел я на нее, – если уже готовы – марш за дверь!

– Хмпф! Как будто я чего-то за свою жизнь не видела! – девочка вздернула носик, но послушно прыгнула на пол и гордо проследовала на выход из комнаты.

– Что случилось-то? – проводив малявку взглядом, спросил я, посмотрев на Инну, выбросившую на кровать кучу мужских рубашек.

– Нас встречают, – ответила она, извлекая, похоже, бездонного шкафа двубортный костюм с жилеткой, а затем, подумав, еще и длиннополый, слегка приталенный плащ, также с двумя рядами пуговиц, и темно-красный галстук. – Одевайся!

– Краткость – сестра таланта, – ухмыльнулся я, окинув взглядом ложе, буквально заваленное разнообразными платьями и прочими предметами женского гардероба. – Успокойся. Коли уже ждут, значит, подождут еще немного.

– Не получится, – тяжело вздохнув, произнесла цесаревна. – Во-первых, Нинка уже здесь. А во-вторых, считай, что нам с тобой не повезло! Прилетели неудачно. Сейчас как раз из Парижа вернулся немецкий борт «номер один» с Максимилианом Третьим Каролингом, совершавшим визит в бонапартистскую Францию. Так что, его величество император Немецких Земель вознамерился лично познакомиться со своим новым подданным.

– Так, разворачивайте самолет! Улетаем, на хрен.

– Кузьма, не смей! Это серьезно!

– Да шучу, – я отмахнулся, меняя рубашку. – Только я не его подданный.

– Ты это Максимке не вздумай сказать! – нервно усмехнувшись, Инна, с помощью слегка приодевшейся Ленки влезла в алое обтягивающее платье. – Он твои русско-патриотические порывы может и не понять. Да и вообще лучше молчи! У этого юноши большие напруги с чувством юмора. И не только с ним.

– Он молодой?

– Да, – ответила Инна, устраиваясь перед зеркалом и раскрывая свою фирменную четырехуровневую косметичку. – Максимке девятнадцать лет. Он был коронован сразу же после смерти его отца Леопольда Шестого. Поверь мне, он очень необычный юноша.

– Даже так, – хмыкнул я, надевая жилетку и пиджак. – Мне начинать беспокоиться о Нине?

– Нинку он боится, – ответила Лена, вместо сосредоточенно наносящей на лицо боевую раскраску цесаревны подруги. – Когда ей было пятнадцать, Максимилиан, с тогда еще живым отцом, были с визитом у нас. В общем, случился неприятный инцидент, который обе стороны предпочли замять.

– Так-так-так, – покачал головой я. – Очень интересно. А поподробней?

– Максик, видимо, забыл, что он не дома, а в гостях, и прихватил сестру за задницу, посчитав ее одной из фрейлин, – ответила мне Инна, параллельно нанося тушь на ресницы. – А она за это засветила ему кулаком в глаз. Слышал бы ты, как он орал, что прикажет ее казнить за посягательство на его венценосную особу! И это в Московском-то Кремлевском дворце!

Девушки дружно захихикали, а вот мне почему-то стало вовсе не до смеха.

– А проблем у нас из-за этого часом не будет?

– Да ерунда, – отмахнулась супруга, вновь уставившись в зеркало, в то время как Ленка занялась ее прической. – Он всего-навсего император, хоть и Каролинг, а ты аж внук самой канцлерши! Да еще и признанный герцог Гогенцоллерн, оказывается! Главное, не обижай Максика, и все будет хорошо. Да ты сам увидишь.

– Похоже, я чего-то в этой жизни не понимаю... – пробормотал я, надевая плащ и втайне радуясь, что нам, мужикам, не нужно краситься.

Зато, признаться честно, наблюдать за быстрыми выверенными движениями Инны, было... я бы даже сказал, приятно. Она хоть и обладала от природы, на мой взгляд, почти идеальным для молодой девушки лицом той самой мифической Василисы Прекрасной, уверенно, слой за слоем наносила на него косметику, которая только подчеркивала ее красоту!

И как же я ошибался, считая, что это прерогатива девушек. Максимилиан, владеющий солидной частью Европы, оказался смазливый и накачанным пареньком, косметики на лице которого было больше, нежели на всех моих женщинах, вместе взятых. Когда мы вышли из кишки терминала, подскочивший к нам герольд огласил что-то на немецком языке, про Космоса, понимаешь ли, Гогенцоллерна.

В общем, молодой император, раскинув руки, подошел ко мне и обнял, словно друга детства. Причем, как мне показалось, без каких-либо голубоватых намеков, но... Разве что побрежневски не засосал.

И все это под пронизывающим взглядом Нины и улыбочкой из разряда: «Терпи, казак, – атаманом будешь!» Потом его величество долго хлопал меня по спине, что-то высказывая беснующимся вокруг журналистам с кучей спящих туда-сюда автономных трехмерных телекамер, и даже сделал со мной селфи на свой навороченный ПМК.

Причем переводить что-либо для меня, такого неграмотного, никто даже не пытался. Дойче-лингву в мой автоматический переводчик никто не загрузил, так что я, как и было велено, молчал и улыбался, а подхватившая меня под руку Нина периодически тыкала локтем.

Я, вообще, давно заметил, что моя ненаглядная чувствует, когда я собираюсь засадить кому-нибудь кулаком по охреневшей морде. И от этого складывается впечатление, что мамина псионика далеко не так уж и уникальна. И хоть я, в принципе, даже в мыслях не допускал ничего крамольного по отношению к девушке, мурашки то и дело пробегали по спине, заставляя ежиться. Все-таки жена-ведьма – это не подарок, что бы там ни говорили разные фантасты.

В конце концов, наговорившись всласть и перецеловав вежливо подставленные ручки моих девушек, Максимилиан сунул мне под нос свою пятерню тыльной стороной. Нужно быть идиотом, чтобы не понять зачем. Факт вассалитета в Европе нынче подтверждался по старым традициям.

Ну, вот этого я уже сделать и, тем более, стерпеть не мог.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, товарищ Максимилиан! – излишне жизнерадостно произнес я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение, пожимая протянутую мне руку. – Типа восторжен, типа благоговею, и, вообще, надеюсь, что в дальнейшем между нами будет полный «Гитлер капут»!

Рядом со мной практически мгновенно оказался некто, в зрении третьего глаза выглядящий как фигура, сотканная из миллиардов искорок. То, что произошло потом, уложилось в долю секунды. Спасибо науке, преподанной мне американской «тетушкой» цесаревен, Барбарой Форекс. «Противостояние», которое импозантная особа, встреченная нами на празднике у Лепестковых-Каменевых, называла «Конфронтация», даже заставило меня на долю мгновения приоткрыть седьмую чакру.

А затем все закончилось. Только невзрачный человечек из свиты немецкого императора с лицом, чем-то напоминающим крысину мордочку, перекошенным от ужаса, резко отшатнулся назад и непременно упал бы, если бы его не поддержал кто-то из соседей. Он очень искусно скрывал, что является Мейстер Хеммерлайн, то бишь на нормальном языке – Аватаром, маскируясь просто под сильного мага шестого уровня. За кого я, собственно, его и принимал, хотя, например, того же Савелия Мрачного, Барбару, как, впрочем, и Сафронова, воспринимал без проблем, даже когда они «тушили» свою Сахасрапу.

Произошедшее не укрылось от окружающих. Журналисты взволнованно загомонили, вновь защелкали вспышки объемных 3D-камер, а гвардейцы Максимилиана как-то резко подобрались и похватались за оружие, но были остановлены взмахом руки своего повелителя. Мне же под ребра впился остренький локоток Нины.

– Глаза, – прошипела сквозь зубы Зайка. – Глаза потуши немедленно и волосы! А то будет потом в прессе куча статей о том, как демонический русско-немецкий герцог-колдун атаковал Максимилиана Третьего. Что ты творишь вообще?

– На меня только что напал вот тот придурок, – ответил я, кивнув в сторону держащегося за голову крысеныша. – Он Мейстер Хеммерлайн, хоть и пытается косить под простого магистра. Так что, похоже, любимая, нам здесь не рады.

– Хм-м-м, – девушка нахмурилась и переглянулась с сестрой, а я спиной почувствовал, как сопровождавшие младшую цесаревну осназовцы КГБ резко напряглись, приготовившись к любому развитию событий. – Я тоже думала, что этот ханурик – обычный Эмерит. Итак, Максим, как нам это понимать?

– Мне тоже очень интересно знать, – хмыкнула Инна, поигрывая веером с пушистой меховой тесьмой на верхней кромке.

Император, который все это время молчал, перекатывая желваки и внимательно вслушиваясь в наш разговор, переводимый портативным устройством транслирующим его на вставленную в ухо капельку явно очень дорогой гарнитуры, натужно улыбнулся. Затем, театрально разведя руками, он что-то залопотал, обращаясь явно к сестрам, и, наконец, засмеявшись, фамильярно похлопал меня по плечу.

– Глаза! – опять тихо, но явно так, чтобы слышал император, предупредила меня Нина. – У наших немецких друзей может сложиться неверное мнение, что ты хочешь дать Максику в морду!

Император, который в это время что-то там вещал Инне, поперхнулся и быстренько отпустил мое плечо.

– Что он говорит? – мысленно повторяя раз за разом успокаивающую мантру, спросил я.

– Если кратко, – прошептала Зайка, – то его величество извиняется за этот инцидент, который произошел исключительно по его приказу, потому как он внимательно следил за жутким происшествием, случившимся в Либерократии, а потому просил своего личного Аватара оценить силу нового подданного.

– Передайте его величеству, что... – начал было я, но тут же почувствовал, как остренькие ноготки старшей цесаревны впились в мою ладонь, и, вспомнив предупреждение, сказал совсем не то, что хотел: – Что я принимаю его извинения.

Нина быстро затараторила мой ответ по-немецки, хотя Максимилиан уже слышал перевод, и на лице его вновь расцвела «благодушная» улыбка. Парень вновь начал разоряться на родном языке, еще раз похлопал меня по плечу и вдруг, под дружный благоговейный вздох журналистов, снял свое пальто с белым меховым воротником и протянул его мне.

– Чего? – данного жеста я совершенно не понял.

– Его величество император Земель Немецкой Нации Максимилиан Третий Каролинг очень рад тому, что у него появился такой могущественный и благородный подданный, – перевела мне Нина, ехидно улыбаясь. – Ведь «благородство и честь» так мало значат в нынешнем беспокойном мире. А потому, в знак своего искреннего расположения, его величество изволит жаловать Космосу Гогенцоллерну пальто с собственного плеча и звание Паладина Рейхскроне – короны Священной Римской империи! Чего смотришь как баран на новые ворота? Бери, раз дают!

– Тебе наш герб напомнить?

– А... да. Блин!

Когда я принимал сей сомнительный подарок под вновь бешено защелкавшими камерами журналистской братии, в памяти всплыл целый ворох сюжетов из фэнтези и исторических романов, где «король» жаловал особо отличившемуся дворянину ношенный плащ с собственного плеча. Для многих это была единственная награда за какой-либо особо безумный подвиг, с которой он носился потом всю жизнь как дурак с писаной торбой и, под конец жизни, помирая в нищете, с гордостью рассказывал босоногим внукам: «Вот помню как сейчас, подходит ко мне король Йагупоп Сто сорок первый Косомордый, хлопает по плечу и говорит: Сэр Жуй Жульен! Ты – лучший из моих рыцарей! Прими с королевского плеча! Вот как оно все было-то. Да... Были короли в наше время, не то что сейчас».

Максимилиан разорвался перед камерами еще минут пять, периодически хлопая меня по плечу. Ну а затем соизволил откланяться, оставив нас стоять в терминале и смотреть ему вслед, в то время как он сам гордо зашагал куда-то по длинному коридору в окружении беспрестанно насилюющих фотокамеры журналистов.

– Что он под конец мне сказал? – переспросил я, посмотрев вслед императору, и опустил глаза на пальто, которое все это время держал.

– Пригласил в свою резиденцию, город Ахен, которую упорно именуется столицей Священной Римской империи, – ответила мне Инна, прикрывая глаза ладошкой. – А еще сообщил журналистам о твоей официальной помолвке со своей сестрой, Брунгильдой Каролинг, после чего сравнил тебя с Зигфридом и по-быстрому свалил, покуда ты опять не взбесился. Так что поздравляю, муженек, тебя опять женили.

– Да он совсем е... – начал было я, делая первый шаг вслед быстро удаляющейся процессии, но сестры тут же повисли у меня на руках.

– Спокойно, Кузя... – прошипела Нинка. – Глазки потушили... у нас все хорошо! Повторяй за мной: «У-нас-все-хорошо!»

– Да я его... – прорычал я, но рваться вслед венценосной особе не стал, даже подавил желание скомкать и шваркнуть на землю пальто августейшего. – Брунгильда, мать его, через Одина, да Локи поперек хребта. Кайзер хренов!

– Тихо, тихо... – прошептала мне на ухо Инна. – Максик всего лишь решает свои политические вопросы. И вообще, я тебя предупреждала, что он со странностями.

– Ну, а что мне с этим делать? – раздраженно потряс я новым предметом своего гардероба. – Носить я это точно не буду!

– Приедем «домой» – повесим в рамочке на стену, – фыркнула Нинка, наконец отпуская меня и беря Аську за ручку. – Твои новые подданные будут в восторге.

– Какие еще подданные? – нахмурился я. – Ты про Ольгу с Валькой?

– Не совсем, – уклончиво ответила девушка. – Пойдем уже, товарищ Ефимов-Гогенцоллерн, у нас хоть и зеленый коридор и дипнеприкосновенность, но все равно надо оформить въездные документы.

– Нин, ты, я так понимаю, уже связалась с Канцелярией? – задала вопрос Инна. – И про «подданных» было сказано не для красного словца?

– Угу, – буркнула Зайка, покосившись на удаляющуюся процессию, сопровождавшую императора. – Ты охренеешь, когда узнаешь, что именно бабулька подарила внучку!

Я покосился на свою невесту, однако вникать в вопрос не стал. Мне как-то уже хватило подарочка Максимилиана, чтобы вообще пожалеть о том, что я решил посетить это государство.

Таможню мы прошли быстро. Да и остальные вопросы решались сами собой. Фактически при нашем появлении все дружно вытягивались во фронт и хором приветствовали, желая приятного пребывания... на родине. Хорошо еще, что не тянули руку в древнеримском «Приветствии Солнцу», как чуть было не вошло опять у них в моду во время Третьей мировой на

волне всеобщего подъема от обретения, казалось бы, давно сгинувшей в веках династии Каролингов и распространения в очередной раз идеи типа: «Deutschland Uber Alles!»

Закончив с бумагами, мы в сопровождении немецкого офицера спустились на минус десятый уровень аэрокосмопорта, где нас уже ждал монорельсовый мини-поезд. Мужчина явно чувствовал себя не в своей тарелке и постоянно косился на неотступно следующих за нами особистов. Понять его, в общем-то, было можно. Выглядели боевые латы откровенно жутковато, а артефактные винтовки, которые бойцы КГБ не выпускали из рук, также не добавляли ему оптимизма.

При этом наш эскорт официально проходил как личная гвардия цесаревны Нины Святославовны. Вот только надпись «КГБ РИ» на наплечных пластинах никто даже не подумал замазать или заклеить чем-нибудь. Так что все встречные немцы просто делали вид, что в упор не видят этой знаменитой на весь мир аббревиатуры.

Поезд летел на огромной скорости и остановился минут через десять, высадив нас на совершенно неприметном подземном полустанке, откуда через небольшой коридор наша группа попала в небольшую комнату с одной-единственной дверью, перед которой статуями застыли осназовцы в полной выкладке и с дополнительно укрепленными боевыми латами. Напротив них, охраняя проход, из которого мы вышли, словно братья-близнецы возвышались еще два «предмета мебели», на сей раз чисто германского производства.

Еще шесть точно таких же истуканов при нашем появлении бодренько выстроились вдоль боковой стены с равнением на нас, после чего все, в том числе и русские гэбисты, отдали честь. Правда, если наши взяли под козырек, то немцы дружно хлопнули себя по нагруднику.

— Отряд спецопераций Штази в утяжеленной броне штурмовой пехоты Рейхсхеера, — отчеканил на ломаном русском наш сопровождающий, видя, с каким интересом я рассматриваю необычные доспехи немного угловатой формы белого цвета, довольно сильно контрастирующие с зализанными русскими образцами. — Согласно приказу великого канцлера, данный отряд выделен вам в качестве личных гвардейцев!

— Угу, — только и ответил я, а потом усмехнулся. — А великий канцлер случаем не озабочен передать мне картридж с дойчелингвой? А то я только на «великом и могучем» шпрехаю. Сами понимаете, во время перелета это ПО не скачаешь, а зона дьюти-фри аэрокосмопорта благополучно пролетела мимо нас.

Словно бы дожидаясь этого вопроса, один из немецких громил с сержантскими знаками различия, нанесенными на броню, сделал два шага вперед, протянув стандартную коробочку языкового пакета. Впрочем, для начала он попал в руки одного из наших осназовцев, который просветил его каким-то приборчиком, и только после этой процедуры он занял место в слоте переводчика, а искин сообщил о начале загрузки новой лингвы.

Немцы на подобные предосторожности отреагировали вполне спокойно. То есть никак. Я же, пользуясь случаем, быстренько обошел вокруг сержанта, внимательно рассматривая необычный костюм. Почему-то вся техника, обмундирование и вооружение послевоенного поколения, произведенные сумрачным германским гением, были какими-то угловатыми. Взять хотя бы тот же шлем, надетый на голову моего нового «гвардейца», принадлежность которого к не менее жуткой, чем КГБ, германской спецслужбе никто даже и не скрывал.

Он был похож на чуть вытянутый и деформированный куб, надетый человеку на голову, слегка скругленный в затылочной части. Причем, если лица в русских образцах закрывались при помощи отстегивающихся масок, а, насколько я знал, у американцев практиковались опускаемые забрала, то здесь была просто ровная белая матовая поверхность керамометалла, без каких-либо видимых линз или датчиков.

Все остальное тело бойца было покрыто массивными навесными пластинами, под которыми просматривались коробки мускульных усилителей и какие-то ребристые поверхности. В результате, если наши осназовцы чем-то напоминали «демонов», только рогов и прочих шипов

не хватало, то германские «спецы» скорее косили под каких-то жутковатых андроидов из научной фантастики.

– А почему он «белый», – задал я интересующий меня вопрос, покосившись на шушукającychся о чем-то девочек и откровенно зевающую Аську.

– Светлые цветовые решения положительно воспринимаются гражданскими, – сообщил мне сопровождающий. – Во время боевых операций данный комплекс использует оптическую маскировку.

Немецкий офицер быстро пролаял команду, и сержант словно бы превратился в угловатый кусок хрусталя. Конечно, он не стал невидимым, но силуэт действительно размылся, и более того, встань боец у какой-нибудь пестрой стены или спрячься в кустах, то обнаружить его без третьего глаза или каких-нибудь спецсредств было бы проблематично. С другой стороны, Ленка со своими техномагическими преобразователями и воинским отводом глаз достигала куда лучшего эффекта. Впрочем, скорее всего, в данном случае личная сансара вообще не применялась.

Я еще хотел спросить про оружие, которое держали в руках немцы, – нечто похожее на толстые цилиндры со стандартным винтовочным хватом, однако ко мне подошла дочка и, настоятельно подергав за рукав, сказала, что ей очень скучно и вообще она хочет спать. Остальным девочкам, за исключением разве что Ленки, как и я, с профессиональным интересом разглядывающей немцев, вынужденная задержка тоже пришлась не по нраву. Так что, решив попозже, уже дома в России, выяснить все поподробнее о вооружении и обмундировании германской армии, я приказал офицеру двигаться дальше.

Однако, как выяснилось, мы собственно уже пришли. За дверью, охраняемой осназовцами, нас ожидал ни много ни мало, а уже знакомый мне «Сири-1» производства «Сухова». Машина, словно приготовившийся к прыжку хищник, стояла на подъемной платформе в подземном ангаре, где находилась целая куча летающей германской техники явно военного предназначения. При появлении группы переливающаяся экранирующим сканированием пузырь «железная птица» пару раз переступила своими лапками, чуть поворачиваясь в нашу сторону, и слегка присела, опуская из своего брюха трап.

Как оказалось, именно на ней Нинка со своими сопровождающими и прилетела так быстро в Земли Германской Нации. Договориться с Немецкой Канцелярией о коридоре, как и о визите высокородной невесты Космоса Гогенцоллерна, проблем не составило, а затем десантно-штурмовой челнок с ветерком, под маскировкой, орбитальным рывком домчал цесаревну до указанной принимающей стороной точки, а саму ее с сопровождающими тайно провели в VIP-терминал аэрокосмопорта.

Так что, по всем документам, ее высочество прибыли с неофициальным визитом вместе с русско-немецким герцогом и своей старшей сестрой на борту номер два Российской империи. И только то, что наш прилет совпал с возвращением Максимилиана, слегка подмочило эту версию. Впрочем, зная любовь Штази к цензуре, как мне думалось, в итоге, наша легенда будет сохранена, несмотря на многочисленных журналистов императорского пула, видевших девушку задолго до нашего появления.

– Ну что? – произнес я, поудобнее устраиваясь в кресле, в то время как машина оторвалась от земли и вынырнула из открывшихся потолочных створок на оперативный простор. – Сейчас к бабушке и домой, а то, честно сказать, уже как-то даже березку приобнять хочется! Тоскую, знаешь ли, по родине. Там хотя бы понимать буду, когда мне очередную невесту попытаются втюхать.

Рядом с нацепившим маскировку «Сирином» из открывшихся массивных створок подземного ангара тяжело вылетел большой десантный вертолет «Гюнтер-7УС», на котором разместились одолженные мне «гвардейцы», после чего, медленно развернувшись, взял курс куда-то на юг. Челнок, выравнив скорость, пристроился ему в хвост.

Аська, привычно устроившаяся у меня на коленях, тут же задремала.

– Наивный чукотский юноша, – фыркнула Нина, покачав головой. – Кто ж тебя теперь так отпустит!

– Так! Ты мне Петра-то не забижай, – наставительно сказал я Зайке. – Он, конечно, с придурию, но далеко не так наивен, как кажется.

– Твой Петр, если ты не знал, нынче влюбленный по уши идиот, только и делающий, что таскающийся за юбкой своей Зухры или Фатимы... Не помню, как там на самом деле «Ифрита» зовут, – отрезала Нинка, с удовольствием вытягивая ножки. – Он добился от Сафронова ее зачисления в наш колледж и теперь бегаёт за ней как собачонка, похоже, просто не понимая, чего ему от нее на самом деле нужно. Мой тебе совет, как вернемся – обязательно расскажи своему приятелю, что вообще с женщинами делают. А то он уже стал клоуном номер один во всем кампусе.

– Что? – хмыкнул я. – Все так плохо?

– Ага. Особенно если учитывать дурацкий характер этой девицы. Если бы он просто «взял» ее, она бы с удовольствием ему покорила, так как не понимает, зачем ей нужна эта непонятная «свобода». Ну а так она его считает чем-то вроде своего мальчика на побегушках. Я с ней разговаривала пару раз – та еще стерва.

– Ну ладно... – хмыкнул я. – Он – наивный чукотский юноша. А почему к бабушке-то мы не сможем сразу попасть?

– Потому что она «великий канцлер» и вообще ее сейчас нет в стране. Она в Испании с давно запланированным визитом. Как вернется, обязательно выкроит окно, чтобы встретиться с любимым внуком. А мы покуда летим осматривать подарок, который она тебе сделала вместе с официальным признанием титула...

– Да хрен с ним, с подарком, – крикнул я, притягивая девушку к себе. – Ты мне лучше скажи, как сама-то?

– Хм... я уж думала, ты не спросишь, – буркнула Нинка, опуская голову на мое плечо. – Соскучилась я! Очень-очень! Никуда больше тебя одного не отпущу!

Глава 2

Величественные шпили и покатые крыши древнего замка, расположившегося на высоком холме, густо поросшем лиственным лесом, завораживали своей невероятной красотой. Словно пришелец из самой настоящей зимней сказки, он искрился в солнечных лучах, одновременно неприступный и такой, казалось бы, хрупкий и игрушечный.

Покрытые снегом мостики, арки, башенки, донжоны. Террасами сползающие вниз по склону крепостные стены, похожие на комья ваты или густые облака деревья, в которых буквально тонуло древнее сооружение. Мы словно замороженные прилипли к специально открытым пилотами смотровым экранам, не в силах оторваться от этого великолепия, в то время как наш «Сирин» в сопровождении вертолета медленно приближался к цели нашего небольшого путешествия.

Родовой замок Гогенцоллернов был поистине великолепным! И, самое главное, что в нем не чувствовалось фальши и показушности. Это действительно была самая настоящая крепость, в стенах которой веками творилась история здешних земель, со своей непередаваемой атмосферой, налетом тайны и мистической притягательностью. Куда там пластиково-лакированному, прилизанно-рафинированному дизайнерами новострою корпоративного клана М. Маус.

– М-дам, – произнесла Нина, как и я, не в силах оторвать взгляд от представшего перед нами зрелища. – Правильно сказал кто-то из великих: «Архитектура – застывшая музыка!»

– Гёте, – вставила Инна. – Это сказал Иоганн Вольфганг Гёте.

– И что? – спросил я, поворачиваясь к девушкам. – Мне что, просто взяли и подарили вот «это»?!

– Угу, – кивнула младшая цесаревна. – Но ты не обольщайся – это всего лишь довесок к титулу, как положено в Землях Германской Нации. Красивый жест, показывающий, что ты, Кузя, – теперь первый мужчина в роду Гогенцоллернов и ничего более.

– Поясни?

– Замок – музей общеимперского значения, культурное достояние и так далее и тому подобное, – Зайка вновь прильнула ко мне. – Да и само по себе обладание им почетно, и по большому счету все земли Баден-Вюртемберг отныне принадлежат тебе, а их жители – являются твоими подданными, но...

– Но?

– Они как бы твои, но на самом деле не твои, а свои собственные, – закончила, наконец, Нинка и потерлась о мое плечо носом. – В германском законодательстве все очень сложно и сильно запутано. Однако, по сути, это почти то же самое, что и «вотчины» наших родов в черте городов.

– Ага, понял, – кивнул я. – То есть территория, о которой мне предписывается заботиться изо всех сил, но которая, по сути, мне не принадлежит!

– Именно так, – улыбнулась Зайка. – Только в данном случае ответственность ложится на весь род Гогенцоллернов, который довольно обширен в силу своей древности и...

– ...И далеко не все рады, что их вот так вот обскакал какой-то русский Иван на хромой кобыле! – закончил я за нее. – В то время как денежки тратить должны они все.

– В точку! – улыбнулась Нина. – Есть, правда, небольшое отличие. Если у нас присягнуть тебе может любой человек из Империи, будь на то его желание, то в Германии – только уже являющийся твоим формальным подданным.

– Ну, спасибо, бабулька, – буркнул я под ехидным взглядом Инны. – Хоть замок задарила, а не как у нас – титул в зубы и вертись, как знаешь!

– А что «замок»? – Нина слегка отстранилась, посмотрев на меня.

– Хоть мелочь, а приятно! Чисто символически. Не зря же остальные новообъявившиеся родственнички завидуют!

– Да ладно! – фыркнула Зайка. – Завидуют тебе исключительно из-за подтвержденного герцогского титула. Они-то все, пока есть ты, на эту ступеньку окончательно шагнуть не могут. А тебе уже открыта дорога в эрцгерцоги, а то и в курфюрсты! Если, конечно, на Брунгильде женишься, как того хочет Максимка. Хочешь стать князем?

– Не знаю...

– О! Ответ не мальчика, но мужа! – усмехнулась Инна. – Все правильно, Кузя, – не стоит желать того, о чем ни ухом, ни рылом. Но и отказываться сразу глупо!

– А если расстраиваешься, что тебе у нас с титулом ничего не пожаловали, – продолжила Нинка, – так тебе вот прямо сейчас, если хочешь, папка Кронштадт пожалуется! Мне только позвонить и сказать, что ты согласен!

– Я так понимаю, что «не все так просто»!

– Ну да, – усмехнулась девушка. – Иначе бы он не стоял до сих пор ничейным. Как и у нас – подобный «подарок» хоть и почетен, но накладывает обязанности по содержанию – без какой-либо выгоды.

– Ну, бабулька, ну, спасибо! – вновь пробормотал я.

– Да не суди ее особо строго, – вмешалась Инна. – Во-первых, замок Гогенцоллернов был исключительно ее активом, который она и передала тебе вместе с обер-титулом в семье. А во-вторых, не думаю, что Стальной канцлер решила скинуть на тебя расходы по содержанию объекта. Ты просто не особо понимаешь немцев. В их представлении подобный «подарок» сам по себе значит очень много.

– Ага. Как и проблемы с родственничками, которые не преминут ударить в спину в самый неудобный момент.

– Это вряд ли, – отмахнулась Зайка. – Нет, может, конечно, найдись особо обиженный идиот, который захочет все и сразу, но скорее всего, тебя просто будут толкать «вверх», чтобы занять освободившееся место. В конце концов, ты – Аватар. А это существенно усиливает положение рода, в котором ранее, кроме канцлера, не было ни одного одаренного мага седьмой ступени.

– Я – колдун, – буркнул я.

– Маг, колдун – суть врожденный одаренный, – отрезала Инна, явно не хуже Нины смыслившая в политике немецких родов.

– Красиво, – тихо выдохнула Аська, неотрывно глазевшая на заснеженный замок, положив ладошки на смотровой экран, и заерзала у меня на коленях.

Признаться, я думал, что машины полетят напрямик к крепостным стенам, однако вертолет, а следом за ним и «Сирин», начали аккуратно забирать вправо, облетая замок по часовой стрелке. А затем и вовсе принялись снижаться на большую расчищенную площадку, явно служившую в обычные дни автомобильной парковкой, где уже нас дожидался длинный лимузин, возле которого сустились какие-то люди.

Завидев винтокрылую машину нашего эскорта, встречающие заметно оживились, и, когда «Гюнтер», стрекоча винтами, коснулся земли, они степенно направились к ней, все еще явно не замечая «Сирина», зависший в паре десятков метров над их головами.

– Сейчас немцы уберут гражданских, – сообщил нам командир Нининых осназовцев, явно уже успевший наладить коммуникацию между отрядами, – и будем садиться.

– Удивительная забота с их стороны о сохранении отечественных секретов, – пробормотал я.

– Стандартная международная практика, основанная на двусторонних договоренностях, ваше сиятельство, – ответил мне боец. – Мы, когда это нужно, помогаем им, а они в свою

очередь нам. К тому же германцам выгодно не афишировать перед своим населением «Сирин». Сам факт наличия подобных машин у Российской империи может наделать уйму шума.

– Кажется, господа бюргеры не шибко-то горят желанием выполнять распоряжения солдат, – хмыкнула Нина, глядя на обзорный экран. – Вон как толстяк разорется.

– Больше похоже, что он пытается прогнать спецоповцев, – пробормотала Инна, так же с интересом рассматривая происходящее внизу. – А мы не можем услышать, что они там говорят?

– Аппаратура дистанционной просушки, как и некоторые другие системы, заблокированы по требованию принимающей стороны, – покачал головой главный осназовец.

– Весьма жаль. Чую, узнали бы много нового и интересного.

Действительно, что-то у моего эскорта не задалось. Пузан, видимо главный среди приехавших из замка немцев, буквально грудью напирал на давешнего сержанта и отчаянно размахивал руками. Даже отсюда было заметно, как покраснело его мясистое лицо, а абсолютно лысая голова с оттопыренными, похожими на пельмени ушами влажно поблескивала от выступившего пота.

В отличие от него, стоявший рядом и иногда кивающий чему-то, худощавый и довольно высокий немец аристократического вида выглядел абсолютно спокойным. Презрительно улыбаясь, он слушал разгорающиеся препирательства, слегка склонив голову набок, и словно бы наслаждался происходящим.

Наконец, ему, видимо, надоело оставаться безмолвным участником переговоров, и он что-то сказал. Причем сразу же после этого спорщики замолчали, но если толстяк, глубоко поклонившись, тут же отошел немного в сторону, шустро семена коротенькими ножками, то сержант только немного подобрался, но тут же отрицательно покачал головой.

Через не прямые обзорные экраны невозможно было сказать, что представляет собой сансарно-энергетическая структура этого человека, но по его поведению складывалось впечатление, что он абсолютно уверен в себе и, в отличие от толстяка, совершенно не боится вооруженных бойцов Штази. Причем, похоже, что уверенность эта зиждилась не только и не столько на высоком титуле, сколько на собственных силах, которых, как он, похоже, считал, с лихвой хватило бы, чтоб справиться со всем моим немецким эскортом и их боевой техникой.

– Кто это? – спросил я, кивнув на аристократа.

– Наверное, кто-то из Гогенцоллернов, – передернула плечиками Ленка и, словно бы повторяя мои мысли, добавила: – Уж больно уверенно он себя ведет.

– Принц Карл-Фердинанд. Признанный незаконнорожденный сын принца Кристиана-Сигизмунда Прусского, брат принца Кристиана-Людвига, – ответила Нина. – Один из бывших кандидатов на главенство в доме Гогенцоллерна.

– Что-то не слышала о таком, – слегка покраснев от досады, пробормотала Инна.

Я уже заметил, что моей «супруге в магии» очень не нравились ситуации, в которой хоть как-то проявлялась ее недостаточная информированность.

– Ничего удивительного, – передернула плечиками ее сестра. – Во время Первой Магической войны дом Гогенцоллернов лишился почти всех своих представителей, так или иначе ведущих в двадцатом веке публичную жизнь. А потом резко вскрылись многочисленные застарелые гнойники древних родов, и ошарашенной публике были представлены новые лица. Мне ли тебе рассказывать! Вспомни того же Максимку! Род Каролингов считался вообще вымершим еще в двенадцатом веке. А тут, только Германия затеяла реставрацию – хлоп! Оказывается, Священный Римский престол втайне от всего мира долгие века не давал угаснуть немецкой, еще католической ветви рода Каролингов. А болезнь и смерть Людвиг Четвертого Дитя оказалась всего лишь инсценировкой Конрадинов, недовольных недорослем на троне и ежегодной данью, которое государство вынуждено было платить венграм. Даже Гогенцоллернам, уже пускавшим слюни на престол, пришлось тихо утереться.

– Да, тогда тот еще скандал разразился, – кивнула Инна. – Кто бы знал, что святоши смогли повернуть такую подмену. Дальновидные, сволочи. И все же... ладно у нас дома фактически имперский ренессанс смыл все старое и вывел наверх новые лица. Но меня всегда поражало то, с каким ожесточением резали друг друга старые аристократы в Европе, после чего тут же всплывали те же самые имена, но под другими масками.

– Сестра, – развела руками Нина, – нам ли с тобой не знать, как это происходит.

И все, кто был в салоне «Сирина», даже Аська, дружно посмотрели на меня. Мне даже как-то неудобно стало. Словно бы украл что-то...

– Так! – произнес я, пересаживая дочку на колени к Зайке и поднимаясь со своего кресла. – Лингва вроде загрузилась, так что пойду-ка я подышу воздухом.

– Стой, ты куда это? – воскликнула девушка, ухватив меня за локоть.

– Пойду, пообщаюсь с «родственничком», – улыбнувшись, произнес я, высвобождая руку из цепких пальчиков. – Узнаю, чего это немчура на моих временных гвардейцев бочку катит.

– Я с тобой! – тут же заявила Нина.

– Ну уж нет! – произнес я, улыбнувшись, и поцеловал нахмурившуюся Зайку. – Посиди-ка здесь пока, а то не дай бог чего, мне потом твой папанька голову открутит.

– Но... – она хотела было еще что-то сказать, но только вздохнула и, покачав головой, буркнула: – Главное, сильно не попортить нам отношения с этой страной.

– Нин, ну я ж вроде теперь еще и новемец, и напомним, что хочу я этого или нет – никто не спрашивал. Так что сами виноваты, – я подмигнул девушке. – А родина, понимаешь ли – никаким тут боком.

– Как будто это кого-то волнует, – Инна звонко хлопнула меня по спине. – Это ж Европа – родина двойных стандартов!

Подойдя к перегородке в пилотскую кабину, я активировал переговорное устройство и попросил опустить аппарель. Из десантного отсека, в котором ютились бойцы осназа, тут же потянуло холодным ветерком. Не утруждая себя необходимостью спускаться по-человечески, я просто перемахнул через ограждение, а затем, окунувшись в потоки свежего, чистого воздуха, спрыгнул со ступенек на землю. Всего-то какие-то жалкие двадцать пять метров.

Появление меня любимого, фактически выпрыгнувшего из ниоткуда, произвело на немцев двойное впечатление. С одной стороны, приписанные ко мне канцлером вояки заметно расслабились. Все-таки я, хоть и временно, но был их сюзереном и насчет моей персоны у них имелись четкие указания, так что мое личное присутствие, судя по всему, немного развязывало им руки и придавало их действиям легальности.

С другой стороны, для делегации встречающих я явно выскочил как черт из табакерки. Агрессивный толстяк, до этого препиравшийся с сержантом, казалось, готов был схватиться за сердце. Да и группа поддержки из явно знатных бюргеров выглядела не лучше. Разве что высокий аристократ смерил меня вначале презрительным взглядом, а уж только потом слегка побледнел.

Ну да, вряд ли ему каждый день приходится видеть Аватаров. А я к тому же на долю мгновения приоткрыл седьмую чакру, чтобы у мужика не оставалось сомнений, что он здесь далеко не самый крутой.

Оправившись и пригладив растрепавшиеся на ветру волосы, с неудовольствием стряхнув с рук оставшиеся огненные капли, отдающие радужным сиянием, я демонстративно поправил галстук и медленно направился к группе людей. Игнорируя пока что встречающих, обратился напрямую к бойцу Штази.

– Сержант, возникли какие-то проблемы? – произнес я, параллельно вслушиваясь в дубляж автопереводчика, маджи-искин которого, естественно, не был настроен на полное морфирование звуков и эмоциональной насыщенности речи. – Мои спутницы устали и желают отдохнуть.

– Мой лорд, – произнес переводчик, хотя я четко услышал слово «фюрер», – Небольшие затруднения.

– Да? И какие?

– Дело в том, что... – начал было спецоповец, но его вдруг перебил возмущенный возглас толстяка:

– Да как вы смеете! Чужеродное быдло! – На этом слове «Rind» маджи-искин запнулся, но все же перевел его. – Преклони колени перед принцем Карлом-Фердинандом Прусским, ничтоже...

Звонкая оплеуха по лысому затылку, которую аристократ шустро отвесил своему пухлому подручному, заставила его заткнуться.

– Слуги порой радуют о чести хозяев больше их самих, – с кривой улыбочкой произнес Карл-Фердинанд, обращаясь ко мне. – Герцог Космос Гогенцоллерн, как я понимаю?

– Он же русский герцог Кузьма Васильевич Ефимов, – ответил я, внаглую протянув мужчине руку, которую он, надо отдать ему должное, тут же крепко пожал. – Надеюсь, вы не хотите сказать мне, что задержка вызвана вашими претензиями на «нашу» Калининградскую область?

– О нет... что вы, – принц даже чуть приподнял ладони перед собой, а лицо его слегка пошло розовыми пятнами, однако голос ни на йоту не изменился. – О восстановлении Пруссии не может быть и речи. Это подтвердил мой отец, «sit tibi terra levis» – это говорю и я.

– Тогда в чем проблема? – Переводчик запнулся на латыни, но я знал от мамы, что переводится эта фраза как «Пусть земля тебе будет пухом» – и не стал обращать на это внимание.

– Ваше признание и этот визит оказались очень неожиданными для нас, – произнес он. – Так что я и мои дети еще не успели съехать из своих апартаментов, освободив их для новых хозяев замка.

– Так в чем проблема? – пристально посмотрел я на аристократа. – В замке что, нет гостевых комнат?

– Вы... – несмотря на общую бледность, лицо и щеки мужчины слегка покраснели. – Вы хотите оскорбить нас, бывших почти пять лет фактическими хозяевами замка и деливших заботу о нем с вашей великой бабушкой, – выселив всех в гостевые комнаты? Герцог, это переходит всяческие границы...

– Уважаемый, – нахмурился я, и мужчина непроизвольно отступил на несколько маленьких шагов, прежде чем взял себя в руки. – Мы же вроде как родственники?

– Вроде как, – через плотно сжатые зубы ответил аристократ.

– Тогда живите, где жили, сколько хотите, – усмехнулся я. – Ни я, ни мои спутницы, поселившись в гостевые комнаты, нисколько не будем чувствовать себя оскорбленными.

– Но...

– Никаких «но»! – отрезал я. – В ближайшее время мы намереваемся вернуться в Россию, и я совершенно не желаю своим краткосрочным визитом создавать кому бы то ни было неудобства. Тем более родственникам, которым я свалился как снег на голову.

– Но... это же урон чести... – слегка напряженно произнес Карл-Фердинанд.

– Ничего, моя «честь» это переживет, – отмахнулся я. – В конце концов – я хозяин замка? Или нет?

– Да, – тихо и слегка отстраненно ответил мне аристократ. – Несомненно, вы.

– Значит, именно я решаю, как, кто и где будет в нем жить! Все! Разговор на эту тему закончен, – припечатал я. – Если что-то не нравится – считайте это моей личной блажью.

– Как скажете, герцог, – как мне показалось, с долей недовольства и холодного презрения произнес прусский принц, хотя, конечно, лингва-модуль жутко коверкал эмоциональную составляющую речи.

* * *

– Дорогой, ты, конечно, благородно поступил... с точки зрения русского младоаристократа, – произнесла, слегка покачивая головой, вышагивавшая чуть впереди Инна, крепко державшая Аську за ладошку.

Нина, величаво плывшая со мной под ручку, согласно кивнула и добавила:

– По отношению к «родственникам».

– Вот! – «супруга в магии» подняла указательный пальчик вверх и наставительно покачала им. – Но то, что благородно и правильно для русского, для немца – порой оскорбительно! Особенно если он привык мерить свою родословную тысячами.

– Если разобрать по полочкам то, что ты ему сказал, то получится, что ты просто в очень жесткой форме поставил на место приبلудного родственничка, – продолжила Зайка. – Очень грамотно размазал его по асфальту тончайшим слоем. Если бы я, дорогой, не знала бы тебя получше, то откровенно поаплодировала бы твоему искусству изысканного унижения зарвавшихся высокородных оппонентов.

– Да еще так ловко обставленного, – хмыкнула Инна, слегка поворачивая к нам голову. – Так что фактически на прямые оскорбления ему мало того, что ответить было нечего, кроме как громко сглотнуть и утереться, так еще даже формального повода вызвать тебя на дуэль не дал.

– Папочка у нас – талант! – гордо сказала мелкая пигалица, тоже посмотрев на нас с Ниной. – Умеет заводить друзей!

– Заклятых, – добавила посмеивающаяся в кулачок Ленка, следующая прямо за нами.

– Да что я сделал-то! – возмутился наконец я, уже уставший от всех этих подколов. – Люди попали в затруднительную ситуацию, частично из-за меня, а мы с вами здесь жить вроде как не собираемся. Я же как лучше хотел – просто поступил по-человечески...

– Вот! Вот в этом то и дело, Кузенька! – Нинка слегка потрясла меня за руку. – В этом-то все и дело, любимый! Ты просто хотел поступить «по-человечески» с теми, кто почитает себя минимум «полубогом»! Ну или что-то типа того.

– Глупости какие-то, – буркнул я, отворачиваясь и рассматривая тянущиеся вдоль дороги темные стволы деревьев.

Под ногами приятно похрустывал свежеевыпавший ночью снег, успокаивающе действуя на нервы, а легкий морозный ветерок не давал полностью поверить в то, что мы сейчас находимся, по сути, в самом сердце старой Европы. По какой-то причине мне упорно казалось, что еще немного и поворот дороги выведет нас к главному входу центрального городского парка Новосибирска, куда в эту донельзя мягкую для нынешнего времени года зиму меня вдруг занесло с друзьями из общаги.

Впрочем, мягкая она была здесь, в Землях Германской Нации, а в Новосибе, насколько я знал, стоял лютый дубак под минус тридцать! Как, Впрочем, по словам Нинки, и в Москве, где было сейчас под минус двадцать пять.

Лечебно-оздоровительный терренкур прямоиком к воротам расположившегося на холме замка, возвышающегося над рекой Цоллерн, предложили мне мои девочки. Так что, в то время как пяток наших немцев, вместе с парой осназовцев, укатили вперед вслед за принцем на имевшейся в вертолете мобильной платформе, наша небольшая процессия в сопровождении лимузина начала пешее восхождение.

Места здесь, конечно, были красивые. И вроде дикие, но при этом какие-то... ухоженные. Ни тебе вала, ни тебе сушняка, даже подлесок какой-то редкий и словно бы вычесанный гребенкой. Наверное, именно из-за этого в голове крутились ассоциации, связанные скорее с парком, нежели пусть даже с пригородной, но лесополосой.

Тяжело вздохнув, я вновь посмотрел на Нину.

– Ладно. Всё. Я готов учиться уму-разуму, – произнес я, переборов наконец-то вполне естественное сопротивление организма. – Что я сделал не так?

– Да в общем-то «всё»! – с улыбкой ответила девушка. – Но получилось очень даже неплохо. Можно даже сказать, что ты заполучил среди Гогенцоллернов если не союзника, то как минимум более-менее лояльную тушку, которая какое-то время не будет тебя особо беспокоить.

– Это называется неплохо? – фыркнул я. – Да вы только что говорили мне, что я этого принца унизил и он чуть было не вызвал меня на дуэль!

– Это называется «великолепно»! – звонко рассмеялась Инна. – Ты просто не понимаешь, что только что сделал как для Империи, так и для нашего рода Ефимовых!

– Так поясните мне, сирому и убогому! – насупился я. – А то, знаете ли...

– Не злись, – Зайка ласково погладила меня по плечу. – Я сейчас объясню. Попробую хотя бы, надеюсь, что у меня получится.

– Ну, хоть ты из меня тупого-то не делай, – почти взмолился я.

– Да ни в жизнь! Ты, Кузя, у нас не «тупой» ни разу! Ты у нас, можно сказать, носитель народной мудрости! – ласково проворковала девушка, прижимаясь ко мне. – Просто ты сейчас не понимаешь, зачем вообще был затеян весь этот балаган, а я уже успела полностью прослушать и просмотреть запись, сделанную твоими немецкими гвардейцами.

– Ну и?

– Нас просто не хотели пускать сегодня в замок.

– Это я и так понял! Для людей наше появление было шоком, вот они и не успели съехать, вот и...

– Нет, дорогой, никто никуда съезжать не собирался! – улыбнулась Нина. – Просто мы не должны были там появиться. Да и некуда им съезжать. Весь вопрос был в том, кто сегодняшней ночью отправится спать в ближайшую гостиницу!

– Чего? – я нахмурился. – Замок-то большой. Уверен, что все могут...

– Не могут, дорогой! Не могут! Замок-то как раз маленький! Не забывай, что кое-кто привык считать себя полубогом!

– Блин, я понимаю, что господам очень обидно, что они перестали быть хозяевами, но...

– Вот на это как раз они обижаются меньше всего, – вставила Инна. – Они ими никогда не были. Кузенька, вопрос, как правильно сказала Нина, стоял в том, кто именно сегодня будет вообще ночевать в замке. Кто под кого прогнется. Кто тварь дрожащая, а кто право имеет!

– Ты мне Достоевского в мозг не пихай! – посмотрел я на свою супругу в магии. – Я его с детства слабо переносю!

– А все так и есть, – улыбнулась Нинка. – Нравится тебе Федор Михайлович, или ты предпочитаешь писателей фантастов нового поколения, которых постоянно слушаешь. Русская классика, дорогой мой, объясняет многое...

– Только очень уныло, – перебил ее я. – Так в чем дело-то?

– А дело, милый мой, в том, что если бы ты согласился сегодня с тем, что Карлу-Фердинанду нужно время, чтобы спокойно съехать из замка, как его барон-приживала фон Бармахт требовал того от твоих гвардейцев, то растянулось бы это на десятилетия. А там либо султан сдохнет, либо ишак умрет. Твоим данным однажды словом крутили и вертели бы как хотели.

– Из разряда: «Переезд – хуже двух ремонтов!»

– Именно!

– Бармахт – это тот оборзевший толстяк?

– Ну да, – улыбнулась девушка. – Он самый. Только поверь мне, оборзел он ровно настолько, насколько ему приказали. Фактически его назначили самоубийцей, заранее подвя-

зав на нем кое-какие хвосты. И поверь мне, мы еще сполна воспользуемся тем, что ты, Кузя, действуешь по принципу «...только не бросай меня в терновый куст!»

– Не понял, – покачал я головой. – Этот Карлуша же сам ему оплеуху влепил. И еще извинился. При чем здесь я?

– Милый, высшая германская аристократия, если, конечно, она не нашего возраста, это не вчерашние советские граждане, вроде отца и его окружения! Их проще сравнить с мощными компьютерами, заранее просчитывающими любую ситуацию на много ходов вперед, но при условии, что есть верные данные.

– И по мне у них их не было?

– Ага, – кивнула девушка. – Как минимум у этого и сейчас. Скорее всего, они ожидали кого-то вроде Савелия «Темного». А уж Афросий, поверь мне, снес бы барончику голову сразу же, как тот заговорил бы. Не заметил разве, как тот распалял себя?

– Ну... – я задумался. – Не придал значения.

– Просто ты не привык к тому, что можешь творить все, что заблагорассудится, если задета твоя честь.

– Как-то не хочется привыкать.

– В этом весь ты! – улыбнулась Нина. – Ты поступил нестандартно, вот принц и вынужден был попытаться выправить ситуацию, а ты вдруг взял и накрутил на кулак его главный нерв.

– Взял да и двинул ему в самое больное место, – опять засмеялась Инна. – Прямо на этой промашке потребовал подтверждения статуса Калининградской области! Думаю, что Карл-Фердинанд в этот момент чуть не обделался, подумав, что вместо ретивого слуги ты сейчас отыграешься прямо на нем.

– Хм...

– А ведь он единственный, кто претендует на эти земли, – улыбнулась Зайка. – Фактически их захват был его единственным шансом выйти из разряда «безземельных нахлебников». Вся остальная бывшая Пруссия – давно поделена! Ну а ты, что ты сказал?

– Спросил, не претендует ли он на русские земли, – ответил я. – Подумал, что так удачно поддену немчуру.

– Ну, поддел... ничего не скажешь! – вновь засмеялась Инна. – Только при этом выделил тоном свою принадлежность к русской императорской семье и заявил свои права на область!

– Ничего я не заявлял!

– Это тебе так кажется! – произнесла Нина. – А принц струхнул и понял по-своему! Это его отец в конце войны отказался от претензий, а вот он всегда заявлял, что Кенигсберг – оккупирован. Более того, в то время когда мы летели сюда, он просто не мог не узнать из СМИ о твоей помолвке с сестрой Максика. Вот и наделал в штаны! Вот тут, собственно, начинается твое размазывание его по асфальту!

– Ага, – добавила Касимова. – Двумя катками. Точно великого князя – с одной стороны, а то и вообще перспективного то ли крон-принца, то ли вообще императора, а с другой – гарантированного курфюрста! И это его, принца-безземельника, по статусу тянущего разве что на маркграфа, в то время как ты уже герцог.

– Вот! А главное, все получилось во славу Империи и рода Ефимовых, – добавила старшая цесаревна с гордостью в голосе. – Потому как мы теперь в полном праве потребовать у отца эту коронную землю – ведь отказ от претензий был дан именно тебе.

– А дальше ты полоскал его, как хотел! – вновь подала голос идущая за нами Ленка. – Особенно когда сказал про гостевые комнаты.

Я уже какое-то время молчал, даже не пытаясь вставить слово, а только обдумывал сложившуюся ситуацию.

– Тогда он возмутился, – пояснила Нина, – попытавшись приравнять себя с твоей бабушкой, после того как ты ткнул его носом в то, что он по сути безземельный паразит! Показав, что управляющий от рода – ни хрена не хозяин!

– Я так понял, что они деньги тратили, – подал я голос.

– Да откуда у них деньги! – фыркнула Инна. – Мы, пока ты с ним трепался, пробили его. Просто, будучи после войны почти наверху нового генеалогического древа, у него, а точнее у отпрысков, были отменные шансы стать главой дома. И он очень грамотно ими распорядился.

– И заметь, он тебе не врал напрямую. Умолчал о деталях, подчеркнув свой вклад! – вставила Зайка. – Просто ты показал, что тебе это по барабану. Его возмущение было связано с тем, что ты вроде как собрался их, как щенков с грязными лапами, переложить с чистой постели на коврик, а ты о подобном даже не подумывал.

– Зато на возмущение напомнил, что они тебе родственники и обижать их ты не намерен, а когда он начал блефовать про собственную честь, то вообще свел все к тому, что ущерба своей собственной не видишь!

– Тут он уже ничего не мог вставить, а ты еще и напомнил ему, что ты тут хозяин, чего отрицать он не мог.

– И все под камерами вертолета и костюмов твоих гвардейцев! – закончила Нина. – Хотя ты и хотел «по-человечески», вот только он решил, что ты все спланировал и переиграл его. И это нам на руку!

– Когда мы подлетали, – добавила Инна, – у него было два варианта. Либо он не пускает нас, как хозяев, в замок, либо ты выгоняешь его из него...

– В трусах, но с гордо поднятой головой? – уточнил я.

– Именно так, – кивнули девушки. – В обоих случаях он выходил если не победителем, то уж точно непобежденным. Потом он увидел шанс героически погибнуть, вызвав на тебя гнев всех остальных Гогенцоллернов, а заодно опять же выйти из дела, сохранив лицо, но ты не дал ему и шанса. А теперь его связало твое слово.

– Это какое?

– Про то, что твоя честь – «переживет», – уточнила Нина. – Фактически любые проблемы его семьи ты переадресовал на себя. То есть, промолчав на это, он принял твое старшинство. Так что он – твой!

– А чего же он тогда такой недовольный отвалил? – удивился я.

– Честь – честью, – остановилась и повернулась ко мне Инна. – Но есть и личные амбиции!

– Ладно, – произнес я после некоторых раздумий. – Вы мне прожевали – я проглотил. Правда, вынес только то, что лучше быть «человеком», чем...

– Для тебя – да, – перебила меня Нина. – Пока это неожиданно. Но ты помни, что мы с сестрой, как высокосветские стервочки, всегда тебе поможем!

– Ах, вы мои...

– Ага, – довольно произнесла Зайка. – Твои!

Дорога еще раз повернула, и перед нами предстали покрытые снегом, слегка приоткрытые ворота замка Гогенцоллернов, сквозь которые с завыванием гулял ветер.

Глава 3

– Красиво здесь, – произнес я, когда мы, пройдя по змеящейся дороге через несколько ворот, огороженных друг от друга ошетилившимися древними чугунными пушками крепостными стенами, припорошенными белоснежным снегом, оказались наконец-то во внутреннем дворе. – А это точно не «Точка силы»? Я слышал, что все они в той или иной степени производят такое «чарующее» впечатление на людей.

– Это место еще называют «Замком в облаках». Из-за того, что периодически их покров опускается здесь ниже верхушки холма. Слышала, что у наших аналитиков были подобные, вполне обоснованные предположения о концентрации здесь энергии стихии воздуха, – пожалала плечами Нина, – но, сам понимаешь, подобными сведениями немецкая сторона с нами не делится.

– А это вообще можно почувствовать? – спросил я, посмотрев на Зайку. – Или нужно быть магом с соответствующим аспектом?

– Не знаю. Я подробностями диагностирования точек силы не интересовалась, – пожалала девушка плечиками, Инна тоже отрицательно покачала головой и предложила:

– Можно поискать в сети, если интересно. Но вряд ли это реально обычными средствами. Потому как для этого используют специальную аппаратуру, запрещенную к свободному вывозу из страны. Да к тому же, если не жить здесь на постоянной основе – то какая нам разница? Хотя, конечно – это могло бы объяснить многовековую удачливость дома Гогенцоллернов.

Это да. Условно говоря, для обычного человека, пусть даже мага, точка силы особого интереса не представляет. Это не источник питания, из которого можно вдоволь подзарядиться, или что-то типа того. Хотя бы потому, что организм мага сам себе – переносная розетка в море сансары, полностью покрывающая его потребности.

Особенности подобных мест проявляются только тогда, когда к ним привлечено внимание великого множества людей, а еще лучше проживающих в непосредственной близости от них. Только тогда незримая энергия начинает приносить пользу. И именно по этой причине нынче многие страны бросились строить себе новые столицы вокруг наимоощнейших имеющихся у них точек силы, ориентируясь и по большому счету отдавая свое будущее в слепые объятия доминирующей в них сути.

А все потому, что, по сути, «Точки силы» – это некий «амулет на удачу» для группы людей или целого государства.

Так, американцы выбрали для себя Йеллоустон и его спящую до сих пор стихию огня. Хотя, конечно, он там скорее сдвигается к аспекту «магма», но это, собственно, не важно. А ведь если бы не их политика глобального доминирования, по краху которой они никак не могут снять траур, выбрали бы Ниагару, как обиталище воды.

Китайцы своему «воздушному», но беспокойному Тибету предпочли не менее «воздушный» Тяньчжушань, склоняющийся к «туману». Мы – отгрохали Аркаим, полагаясь на стихию «земли», хотя вариантов у нас было поболее, чем у многих других. «Водный» Байкал, например, или такие же Соловки. Да и Онежское озеро. Не стоит забывать и о таинственной энергии на предполагаемом месте исчезнувшего Китежа. Урал, Кавказ, Алтай, да и Сахалин с Камчаткой. Выбор огромный и везде сейчас идут стройки, пусть меньшие по объему, чем новая столица, но усердно отгрызающие свой кусочек бюджета империи.

А та же Индия на захваченной ими Шри-Ланке установила доминант «воды» и отстраивает там мега-столицу – город-остров Цейлон. Точнее, «Синхала двипа», но кто ж санскритом себе язык ломать будет, нам и названий чакр с головой хватает.

– Не похоже, чтобы нас здесь ждали, – произнес я, окинув взглядом пустой двор, в котором из людей были только мы да русско-немецкий сводный отряд, одиноко дожидавшийся нас

возле мобильной платформы. – Красная ковровая дорожка, а также строй из склонившихся горничных были бы, конечно, не к месту, но я ожидал увидеть хотя бы управляющего. Или этого... как его... мажордома.

Действительно, если бы не свет, горящий в некоторых окнах, то я бы сказал, что замок в буквальном смысле вымер. Разве что на свежем снегу, застилавшем всю мостовую, виднелись уже слегка присыпанные цепочки следов, тянущиеся от постройки к постройке, и уводившая куда-то между зданий колея, оставленная лимузином принца.

– Да. Хотя вполне могли бы и дорожку расстелить, и персонал для приветствия построить! Продемонстрировать хваленый германский орднунг, так сказать, – хлопнув своим веером с меховой оторочкой по перчатке, согласилась со мной Инна. – А то подобный прием нового хозяина выглядит как минимум оскорбительно!

– Особенно, если учитывать, что прибыл он в сопровождении двух лиц императорских кровей! – возмущенно добавила остановившаяся справа от меня Ленка. – И не прибрано тут у них.

– Что, кстати, странно, – кивнул я. – Ведь я так понял, что замок – действующий исторический музей. Вроде как туристский объект. Сегодня у нас, кажется, среда, по идее рабочее время, так почему никого нет. На той же стоянке ни одного автобуса.

– Может быть, замок закрыт для посещения? – задумчиво произнесла Нина. – Хотя нет! Мне бы сообщили. В любом случае это не объясняет отсутствие встречающих, хотя, скорее всего, это просто демонстративный жест со стороны Карла-Фердинанда, ну или кого-то из его окружения.

– Понятненько, – усмехнулся я. – Тупо хотят показать, что нас тут не уважают!

– Э... Кузьма, не думаю, что все так серьезно... – слегка забеспокоилась, поглядывая на меня, Зайка. – Скорее всего...

– Нинка, не заумствуй! – не очень-то вежливо перебил я девушку, притягивая ее за талию к себе. – Любимая, я, конечно, понимаю, что ты куда как лучше меня понимаешь все эти символы, полунамеки и жесты, это очень важно, и я это очень ценю. А я – человек простой. Что вижу, то и говорю!

– Подлизываться ты научился мастерски, – немного недовольно ответила девушка, впрочем, попыток отстраниться не делала. – Надо бы тебе еще манеры подтянуть. А то такое чудовище в приличное общество выпустать стыдно!

– Это мы непременно поправим! Как-нибудь потом, – улыбнулся я. – А пока, дорогая, у меня есть к тебе небольшая просьба.

– Ну? – слегка нахмурившись и покосившись на ехидно улыбающуюся старшую сестру, ответила Зайка.

– Одолжи-ка мне бойцов твоего эскорта, – я посмотрел ей прямо в глаза.

– Зачем они тебе? – удивилась девушка.

– Во-первых, мы, видимо, пробудем здесь какое-то время, – произнес я наставительно, как недавно Инна, поднимая палец вверх. – Но у нас сейчас два отряда, не связанные общим командованием. Координацию они и без нас наладили, но каждый выполняет свои приказы. Это плохо! А во-вторых, «к своим» у меня веры как-то больше.

– Э... Да? – Нина слегка удивленно покосилась на меня, а затем перевела взгляд на Ленку, которая очень серьезно кивнула, а затем на внимательно слушавшего нас главного осназовца, который также подтвердил мои слова. – Я как-то над этим не задумывалась.

«Естественно, что не задумывалась, – мысленно улыбнулся я. – Зато намеки и полунамеки понимаешь и анализируешь куда лучше меня».

– Просто вряд ли вас на дипломатическом этому учат, – очень серьезно ответил ей я. – А нам чуть ли не с первого занятия по КПМО подобные азы в голову вбивали.

– КПМО?

– «Курс по подготовке младших офицеров», – расшифровала вместо меня аббревиатуру Касимова. – Есть у нас такой теоретический предмет.

– А, – немножко смутилась Нинка, явно поняв, что я сейчас слегка щелкнул ее по курносому носику, чтобы не зазнавалась. – Да я не против! Интересно просто, с чего это ты вдруг. Капитан Анечкин, переходите под прямое командование герцога Ефимова, – обратилась она к осназовцу, который, кажется, хотел что-то возразить, явно из разряда «Не положено!». Но, поймав мой взгляд, бодренько взял под козырек и сказал: «Так точно!»

– А теперь... Сержант! – Умная коробочка лингвопереводчика, снабженная дорогим маджи-искином, уже успевшим пометить немецкого бойца этим триггером как не русскоговорящего, бодренько повторила то же самое звание с непередаваемым механизированным акцентом. – На весь срок нашего пребывания в замке переходите под командование капитана Анечкина. Выполнять!

Этот тоже пожелал было что-то сказать, но тоже не решился и, вытянувшись в струнку, стукнул себя кулаком по нагруднику. Видимо, полученные ими инструкции от руководства не предполагали подобное своеволие с моей стороны, однако статус моих временных «гвардейцев» требовал от них беспрекословного подчинения приказам.

– Фары-то притуши, – прошептала Нинка, слегка ткнув меня кулачком. – Что ты за моду взял, чуть что, сразу светофор из себя изображать!

– Э... Чего? – даже слегка удивился я, уставившись на подругу, и только тогда заметил в ее огромных глазах алые отблески. – Странно. Седьмая чakra у меня плотно закрыта.

– Вернемся домой – сразу поедem к профессору Жаксылыку Эргалиевичу! Пусть разбирается! – стукнула кулачком по ладошке Зайка, хмуро глядя на меня, и, даже не дав открыть рот, добавила: – И не спорь! За здоровьем нужно следить! Особенно тебе! Нет ничего страшнее, чем больной Аватар. И если ты еще не в курсе, то тебе сейчас доступны режимные санатории по всей стране. Их что-то порядка тридцати, и если доктора туда отправляют, то даже Савелий молчком едет. Правда, сбегает через сутки-другие, но это уже мелочи.

Мне оставалось только хмыкнуть, позволив девушке насладиться своей маленькой победой в нашей небольшой пикировке. А что поделать? В какой-то мере она была права, хотя большим я себя не чувствовал.

– Это на меня, наверное, так «Воздух Свободы» в Либерократии подействовал, – буркнул я, по-детски из принципа не желая оставлять ей последнее слово, чем заслужил ее победный взгляд, и, тихо вздохнув, вновь обратился к осназовцу: – Капитан. Приказываю взять объект под свой контроль. Местную охрану разоружить и временно задержать.

– На каком основании? – подал голос сержант-немец.

– Невыполнение своих служебных обязанностей, – ответил я и обвел двор рукой. – У них тут, понимаешь ли, куча вооруженных людей по территории шарятся, а они ни ухом, ни рылом. Во всяком случае, я их что-то не вижу.

– Слушаюсь! – рявкнул Анечкин.

– Как закончите, приведите ко мне кого-нибудь из местных шишек. И да! «Постояльцев», – добавил я, особо выделив последнее слово, – не трогать. Вежливо передайте им мою просьбу временно находиться в своих комнатах. Остальной персонал и работников замка соберите где-нибудь в большой зале. Будем знакомиться и решать, что с ними делать дальше...

– Не шибко ли круто? – тихо спросила меня Инна, когда бойцы разбежались выполнять поручение.

– Кузя все правильно сделал! – ответила вместо меня чем-то донельзя довольная Нина, а затем, ехидно покосившись на меня, добавила, взявшись поправлять чепчик Аське: – Я вот как раз хотела сказать, что это не совсем «неуважение», а банальная демонстрация «власти». Скорее всего, пусть замок и принадлежал официально твоей бабушке, Кузьма, но все люди

наверняка, давно завязаны на принца Карла-Фердинанда. Вот он и захотел проверить реакцию Кузи.

– Не, сестренка, ну это ты какие-то совсем уже очевидные вещи говоришь, – фыркнула Инна. – Но я бы сделала по-другому...

– Я бы тоже, – расправившись с непривычно тихой и сонной Аськой, недовольно что-то промышавшей, Нина ласково погладила меня по щеке. – Но что мы, глупые женщины, понимаем в мужских играх с размерами? Впрочем, и так, по-простому – тоже неплохо. Правда, очков в глазах других Гогенцоллернов это ему не добавит.

– Ты вроде говорила недавно, – хмыкнув, вспомнил я, – что-то там про «лояльную тушку, которая какое-то время не будет меня беспокоить».

– Так он и не будет, – как-то совсем уж ехидно ответила мне Нина. – Помогать, впрочем, тоже. В том числе и в общении с его людьми! Сам – все сам!

– Ну-ну... – произнес я, гадая, действительно ли Заяц вдруг ни с того ни с сего обиделась только из-за того, что я ее перебил, или у нее сегодня просто особые женские дни.

– Нин, у тебя чего, месячные, что ли? – совершенно внезапно в лоб спросила ее Инна, озвучив мои мысли. – Чего это ты к Кузе цепляешься?

– А? – Девушка посмотрела на сестру, а затем мгновенно покраснела и, схватив мою руку, уткнувшись лбом в мое плечо, как-то по детски трогательно пробурчала: – Не цепляюсь я.

Постояв так с минуту, она, надувшись, грозно посмотрела на сестру и, когда собиралась уже было сказать что-то еще, где-то во внутренних помещениях крепостной стены раздались пистолетные выстрелы.

Почти тут же двое осназовцев, оставленные командиром при нас, выставили переносные щиты, прикрывая группу со стороны двора. Впрочем, на этом все и закончилось. Еще через пару минут они получили какой-то приказ от капитана, потому как вежливо попросили нас пройти в уже зачищенную предвратную башню, внутри которой над явно «историческим» помещением караульной в массиве стены оказался оборудован вполне себе современный офис, уже освобожденный от прежних хозяев.

Судя по всему, когда-то это была либо «секретка», в которой могли укрыться защитники замка в случае внезапной атаки, либо просто потайная комната, созданная для каких-то иных надобностей. Вход в нее скрывался за массивной деревянной панелью, идеально подогнанной, так что в закрытом состоянии без каких-либо спецсредств или открытой шестой чакры заметить ее было практически невозможно.

Видимо, в свое время кто-то посчитал это надежно сокрытое от глаз туристов место просто идеальным для того, чтобы организовать здесь современный уголок со всеми удобствами. То ли небольшую комнату отдыха, где фрицы могли бы с удовольствием расслабиться после несения вахты, не мозоля глаза гостям, то ли бесцельно, но с истинно немецкой педантичностью, решили благоустроить пустующее и никому не нужное помещение.

В любом случае, помимо двух больших фикусов в напольных кадках, здесь имелись удобные диванчики, большой общественный кофейный аппарат с функцией приготовления чая и куриного бульона, кондиционер, обогреватели, телевизор, а также вмонтированный в стену компьютерный терминал. И конечно, что немаловажно – здесь было тепло, а то мои красавицы, прогулявшись по заснеженному лесу и постояв в продуваемым всеми ветрами дворе, уже начали подмерзать. Естественно, за исключением Аськи.

В то время как девушки заказывали себе дармовое кофе, а дочка, свернувшись калачиком в кресле, уже тихо посапывала, чему-то улыбаясь во сне, я поинтересовался у охранявших нас осназовцев причинами стрельбы. Как оказалось, за пистолет схватился шибко борзый начальник охраны, впрочем, он ни по кому не попал, и ответного огня не открывали, просто приложив буяна прикладом по лицу, надев наручники на бессознательное тело.

Приказав бойцам следить за девчонками, я в гордом одиночестве спустился во двор. Здесь уже вовсю шурувал наш сводный отряд, распределяя «временно задержанных» вдоль одной из стен, чем собственно занимался один из спецопов Штази. Мужчин в странной синей с черными вставками форме и белыми аксельбантами и руками, зафиксированными за спиной за большие пальцы пластиковыми зажимами, ставили на колени лицом к кладке и заставляли уткнуться в нее головой, чтобы не было соблазна ею крутить.

Женщин среди них было немного. Трое, на без малого двадцать человек. И еще одна, перекачанная, крупных размеров, с окровавленным лицом, лежала на подогнанной поближе мобильной платформе. Судя по всему, это и был тот самый, открывший стрельбу начальник охраны. Не ожидал, хотя как говорят умные люди, женщины на подобных постах зачастую гораздо агрессивнее мужчин.

«М-да, так и появляются истории о набегających с востока кровавых русских варварах, – подумалось мне. – Впрочем – пофиг! Нечего было за пушку хвататься».

Происходящее уже успело привлечь внимание местных, до этого дружно проигнорировавших наше появление. Из домов и строений замка на свет божий робко выходили люди. В основном это были бюргеры среднего возраста и какие-то дамы в летах, которые, глядя на усаженных вдоль стенок охранников, тут же начинали шептаться друг с другом. Работников, кстати, в замке, оказалось на удивление много, однако молодых лиц среди них практически не встречалось.

Впрочем, бойцы, похоже, были готовы к появлению интереса со стороны гражданских и дабы не пугать подданных своего императора сверх всякой меры ударными дозами русского акцента, общение с бюргерами было поручено сержанту и его людям из Штази. Насколько я понял, процедура задержания охранников также проводилась под их надзором, дабы не нарушать их права, потому как в противном случае – лежать бы сейчас синим мордой в снег.

– Ваше сиятельство! – подошел ко мне капитан Анечкин. – Мы полностью контролируем объект. Пострадавших с нашей стороны нет.

– Что-то еще? – я буквально почувствовал, что он хочет мне что-то сказать.

– Так точно. Охраной замка занималось элитное подразделение ЧВК «Zauberer».

Автоматический переводчик мгновенно выловил незнакомое мне слово и голосом осназовца повторил во вставленной в ухо капельке-наушнике: «Кудесники».

– Два дня назад, – продолжил капитан, – заказчик в срочном порядке разорвал ранее заключенный десятилетний контракт, несмотря на необходимость выплачивать огромную неустойку. Основную группу командование с объекта сняло, заменив слабо вооруженной, регулярной, которая должна была нести охрану, вплоть до окончательного расчета по контракту.

– Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд, – протянул я, покосившись на центральное здание замка. – Что-то не заметил я, чтобы они пытались защитить вверенное им имущество.

– Утром личный состав получил приказ из головного офиса – не мешать вам и вообще не показываться на глаза. Только, – он усмехнулся, – не похоже, чтобы их начальство предвидело, что вы прикажете их арестовать...

– М-да. А, скажи-ка мне... – я замаялся, пристально посмотрев на капитана.

– Федор. Федор Васильевич Анечкин, – правильно поняв мою паузу, сообщил он свое имя. Вполне возможно, фальшивое. Что скорее всего, зная контору, в которой он работал.

– Так вот, Федор Васильевич. Не могли бы вы, пользуясь своими возможностями на основном месте службы, выяснить, что эти «Заубереры» за звери такие и кому собственно принадлежат. А то что-то не нравится мне эта история. У нас же сейчас... сам понимаешь...

И я многозначительно посмотрел на вход в башню, в которой отогревались девчонки.

– Согласен, ваше сиятельство, – уверенно кивнул осназовец. – Не очень хорошо это дело пахнет. Вообще, основные создатели и владельцы «Zauberer» довольно известны. Все трое –

воины пятого ранга, отслужившие в «KSK», но думаю, что это могут быть подставные лица. Выясним, ваше сиятельство.

Я кивнул.

– Вот и хорошо, – а затем, заметив важного сухонького старичка в явно дорогом костюме, затеявшего спор с одним из спецоповцев Штази, кивнул в их сторону, и капитан, отдав честь, тут же направился к парочке.

Я же, в свою очередь, еще раз внимательно обвел взглядом замок, в который уже раз коря себя за то, что решил заглянуть в гости к новоявленной бабушке. Вот, честно говоря, не думал, что здесь надолго застряну. А ведь теперь просто так не уедешь. Инициатива наказуема, раз сам приехал так не вовремя, то теперь придется дожидаться назначения приема.

Радует только, что со мной девчонки, потому как вряд ли немцы решатся на то, чтобы мариновать долгим ожиданием русских цесаревен. Это уже могут не понять у нас на Родине. И сослаться на протокол швабы уже не могут, ибо, если бы не хотели видеть, просто не пустили бы Нину в страну.

Хотя хрен его знает, чему могут больше возмутиться: долгому отсутствию подкованных в разнообразных дипломатических хитростях и интригах «дочек Самого», которым тем не менее хрен голову запудришь, или молодого, наивного и неопытного Аватара.

«Впрочем, думаю, что если бы мне в определенной степени не доверяли, то вообще бы не выпустили из страны», – подумал я, полной грудью вдыхая свежий морозный воздух.

В этот момент старичок, о чем-то, видимо, договорившийся наконец с Анечкиным, был быстро просканирован и в сопровождении немца-спецопа, который на фоне его выглядел настоящим великаном, препровожден ко мне. При этом он тут же надулся, отчего стал похож на ошипанного петуха, а получив разрешение говорить, разразился настоящей тирадой, с переводом которой еле-еле справилась умная машинка.

Впрочем, интеллектом бюргер меня не поразил. Весь смысл его напыщенной речи сводился к тому, что я здесь никто и звать меня никак, ибо права мои не подтверждены ни перед Богом, ни перед людьми. Да и вообще – мы, русские варвары, творим беспредел на землях самого принца Карла-Фердинанда Прусского. Он же, Ганс Шульке, гражданин пятого ранга с регалиями «Золотого банта», поставлен сиим благородным мужем выполнять обязанности кастеляна, и если мы немедленно не покинем территорию вверенного ему объекта, то он...

На этом моменте старик выдохся и, отдышавшись, гордо произнес, что он будет вынужден вызвать на помощь гвардию Гогенцоллерна, лидера которой он уже известил о чинимых нами безобразиях.

Выслушав его, я некоторое время молчал, рассматривая кастеляна, то бишь управляющего замком и окрестными землями, который в свою очередь буравил меня злым взглядом, искренне сожалея, что для решения подобных вопросов нужны навыки и знания, которых у меня банально не имелось. Как бы хорошо было, если бы любую проблему можно было решить при помощи кулаков. Вот набил бы я сейчас этому старичку морду, а еще лучше самому принцу Карлу-Фердинанду, и «хлоп», как по волшебству, все стало хорошо и вокруг воцарилось благолепие.

И именно в этот момент посетила меня одна «умная» мысль. А не экзамен ли все это, устроенный моей дражайшей бабушкой собственному внуку. Ну а что? Окрылившись птенцов выпихивают из гнезда. В моем же случае меня радостно бросили разгребать эти авгиевы конюшни, и что-то мне подсказывало, что старушонке было плевать, в Испании она сейчас или у себя в Берлине – меня бы все равно взяли бы под белые ручки и препроводили бы сюда, чтобы досконально изучить под микроскопом. В естественных, так сказать, условиях.

Выбора-то особого у нас не было, разве что вообще не появляться в этой стране. Да и то, уверен, хоть и знал о Стальном канцлере только то, что говорилось по телевизору – не мытьем,

так катанием меня все равно бы вытащили из уютенького колледжа и столкнули лбами с этим принцем Карлом-Фердинандом.

Предписание Германской Имперской Канцелярии, полученное Нинкой по прилете, недвусмысленно обязывало меня прибыть именно в этот замок и здесь ждать аудиенции. Причем, по словам Зайки, составлено оно было не по формуляру, принятому для жителей Земель Германской Нации, а как для одаренного высокого ранга с дипломатической неприкосновенностью, посетившего другое государство с временным визитом и имеющего право беспрепятственно находиться только на определенной территории.

Похожую писульку, только от Госдепартамента, мы получали и по прибытии в Североамериканскую Либерократию. И стоило определенных трудов нашим кураторам добиться для нас возможности совершить ту злополучную поездку в Диснейленд.

В любом случае нужно было что-то предпринять, потому как то, что я не обладаю достаточными знаниями и навыками, мало кого волнует. Как говорится: «Не зная броду, не лезь в воду!» Ну а если уж оказался в воде, следует попытаться плыть. Пусть даже по-собачьи! Не бежать же на каждом шагу за консультациями к сестрицам цесаревнам.

К тому же следовало слегка ущипнуть этого Карлушу, вот только единственное, что приходило мне в голову, было жестко привязано к стереотипам о Землях Германской Нации, сложившихся у меня на основе нашего родного телевидения. А так как ничего лучшего с ходу придумать не получалось, я решил попытаться залезть в самое дорогое для каждого истинного европейца – в его кошелек.

– Значит так! – произнес я, обращаясь к немцу-спецопу. – Дедулю взять под стражу.

– Что? Вы не имеете права! – заорал кастелян, когда боец опустил ему на плечо свою тяжелую ладонь. – Я важный, уважаемый человек, я гражданин пятого ранга!

– Бухгалтерию и административные помещения замка опечатать и никого туда не пускать, – как ни в чем не бывало продолжил я, заметив, как старикан побледнел и его спесь куда-то вся резко испарилась. – При попытке проникновения стрелять на поражение.

– Вы... вы не можете... – уже не так уверенно пробормотал старик, хватаясь за сердце. – Я поверенный его высочества... я гражданин пятого ранга, вы не имеете права...

«Неужели прямое попадание? – мысленно обрадовался я. – Вон и мой временный гвардеец, хоть морду его лица я не вижу, явно почуял что-то. Не зря он в Штази работает!»

– Еще дайте уважаемому гражданину пятого ранга валидольчику, ну или что-нибудь другое от сердца, – добавил я. – А то, кажется, его вдруг прихватило.

В каком-то смысле стереотипы великая вещь! Если, конечно, правильно ими пользоваться. Логика же в моем поступке была следующая. Как я понял, Карл-Фердинанд – безземельный аристократ, который, по идее, должен быть беден как церковная мышь, ну или как минимум жить на содержании у кого-то. Вот только не показался мне он похожим на погруженного в долги человека. Слишком уж он наглый и уверенный в себе. К тому же, если Инна права, а судя по только что произошедшему разговору – это так, окруживший себя людьми, которые вовсе не выглядят голодающими, да к тому же имеющий возможность содержать приживал вроде того толстого барона. Конечно, вполне возможно, у него имеется какой-то сторонний источник доходов, Гогенцоллерны, насколько я понял, вовсе не бедствующий род, вот только смущал тот факт, что жил он именно здесь. В замке, который до этого момента принадлежал моей бабушке.

Плюс ко всему тот разбор нашего разговора с принцем, который провели для меня девочки. В общем, у меня появилась мысль, что этот аристократ по сути мало чем отличается от посаженного на хлебное место чинуши и банально приворовывает, в полной уверенности, что громкое имя и родовая честь не позволят никому схватить его за руку. Хотя, конечно, здесь лучше сказать по-умному: «Использует проходящие через замок финансовые потоки для личного обогащения». Или если по-русски: «Присосался к кормушке!»

Словно бы по волшебству после моего демарша жизнь резко наладилась. Как я подозревал, исключительно по причине того, что сам Карл-Фердинанд отдал наконец-то приказ своим людям заканчивать ломать комедию.

Впрочем, полагаться на добрую волю принца Прусского я не стал. Из ближайшей коммуны был вызван нотариус, который по всем правилам составил электронный контракт. Так называемую «Рабочую унию» или, по-местному, «Arbeitsgewerkschaft», договор на наем персонала, временно аннулирующий предыдущие рабочие и вассальные обязательства. По заверениям юриста, в случае его подписания на указанный срок, а мы с девочками выставили ровно год, человек, если не желал иметь проблем с надзорными органами, обязан был исполнять именно его, невзирая на предыдущие договоренности.

Конечно, по сути это была филькина грамота, ответственное выполнение условий которой целиком и полностью зависело от законопослушности подписавшего ее человека. К тому же аналогов подобных документов в Российской империи не имелось, даже не из-за менталитета, а из-за того, что подавляющее большинство населения были свободными имперскими подданными и жили на коронных землях.

Однако здесь, в Германии, да и вообще в Старой Европе, почти каждый клочок земли имел вполне конкретного владельца, а проживающие на нем люди априори являлись чьими-то вассалами, порой присягнувшими сюзерену, порой нет, но все равно ограниченными определенными правилами, в том числе связанными с рабочими контрактами.

Так что подобная практика «временной смены вассалитета» была просто необходима для нормальной работы как частных, так и государственных компаний. Ведь нередко были случаи, когда нужные специалисты так или иначе были связаны с конкурирующими родами, что вполне могло сказаться как на продуктивности работы, так и на отношениях в коллективе.

На данный момент замок Гогенцоллернов для меня был... скажем так – еще более бесполезным активом, нежели земли Деньских, «ключ» от которых я получил после дуэли на празднике у Лепестковых-Каменских. Жить я здесь не собирался, да и планов на его использование у меня пока что не было.

В идеале, конечно, стоило бы выгнать всех людей Карлуши и привезти из России своих, однако даже дома, за исключением двух вассалов-студентов, у меня с человеческими активами было ох как тяжело. Девочки, конечно, намекали мне, что если обратиться за помощью к их родственникам, род Лопатиных или Герциных с удовольствием окажет любую посильную помощь, вот только мне совершенно не хотелось влезать в долги, которые потом в любом случае придется отдавать. Да и зная ухватистость наших благородных, я откровенно опасался того, что в будущем, при необходимости, выкорчевывать их отсюда будет куда как сложнее, нежели даже самих Гогенцоллернов.

Так что в результате после небольшого семейного совета я решил остановиться на заключении «Рабочей унии» с уже трудоустроенными в замке людьми. Естественно, только теми, кто решится подписать ее добровольно. Таковых оказалось процентов семьдесят. Остальным же, либо особо упертым, либо по какой другой причине не пожелавшим поставить под документом свою электронную подпись, вечером сегодняшнего же дня было приказано покинуть замок.

Естественно, что тут же выяснилось, что идти-то им, собственно, некуда. Почти все уже успели прирасти к этому месту и связывали свои планы на будущее именно с ним, что, в общем-то, меня, как и моих девочек, нисколько не заботило. Если бы это были подданные Российской империи, я бы непременно проникся их проблемами и, наверное, постарался бы как-нибудь решить этот вопрос. Ну, или как минимум чувствовал бы себя неудобно, выгоняя людей на мороз и делая их, по сути, бомжами.

Но это были немцы, а к ним я не испытывал равным счетом никаких чувств. Гуманизм в нашем мире – штука специфическая и распространяется только на соотечественников, коими

я этих людей не считал. Да и вообще – у них был свой сюзерен, на плечи которого и ложилась обязанность заботиться о своих вассалах.

Именно это я и заявил в лицо Карлу-Фердинанду, когда тот в ярости ворвался в комнату, которую я отвел под свой кабинет.

– Но вы же немец! – рычал он, сверкая глазами.

– Уважаемый, я был, есть и буду русским, – холодно ответил я ему, поймав краем глаза обращенные на моего собеседника полные собственного превосходства и достоинства взгляды сестер-цесаревен, чаевничавших за небольшим ажурным столиком из темного дерева. – А то, что кто-то посчитал меня еще и немцем, пока что доставляет мне одни неудобства. И да, милейший. Если вы еще раз посмеете повысить голос в присутствии дам императорских кровей, то немедленно лишитесь того места, которым производите эти отвратительные звуки. Вы поняли меня, Карл-Фердинанд?

– Мальчишка! – прошипел мужчина, окончательно наливаясь кровью. – Ты смеешь мне угрожать?

– Угрожать? Вам? – мне почему-то вдруг действительно стало смешно. – Не слишком ли много вы о себе возомнили? О нет, любезный, я просто вас поставил в известность.

– Да я тебя, щенок, – заорал было принц выхватывая из чехла ПМК, и в этот момент в дверь кабинета громко и настойчиво постучали, а я почувствовал такое сильное возмущение сансары, что даже остановил руку, уже сомкнувшуюся на шее задержавшегося в захвате Карла-Фердинанда.

Все мое внимание теперь было привлечено к медленно открывающейся двери, из-за которой шли искажения такой силы, что будь я сам послабее, был бы сейчас похож на моих резко спавших с лица девочек, которые, соскочив со своих стульев, быстренько ретировались ко мне за спину. Внезапно давление спало, а в приоткрывшуюся дверь просунулась абсолютно лысая голова парня, может быть, на год-два старше меня.

– Простите, можно? – спросила голова на очень приличном русском языке, параллельно оглядывая комнату и на несколько секунд задержавшись взглядом на уроненных стульях и разлитом чае, посмотрела на меня и трясущихся за моей спиной девушек. – Ой-йо-йой. Нехорошо-то как получилось.

– Не помню, чтобы позволял, – ответил я, исподлобья рассматривая «голову», а затем отбросил от себя уже булькающего и слегка посиневшего, вцепившегося в мою руку скрюченными пальцами принца.

Да, чего уж я точно не ожидал, так это внезапно встретить здесь Кемпфер-Кайзера, ну или по-нашему Воеводу – неврожденного одаренного, воина седьмого ранга.

– И все же я, пожалуй, войду, – произнесла голова, и сквозь дверь протиснулся довольно щуплый паренек, сантиметров на десять ниже меня ростом, после чего склонился в глубоком поклоне и протараторил скороговоркой: – Ваши императорские высочества, Инна Святославовна, Нина Святославовна, прошу глубочайшего прощения за то, что был вынужден так поступить, чем напугал вас. Моя вина очень глубока, и я готов принять любое наказание. Но поймите меня правильно, я просто не мог допустить гибели нашего непутевого родственника! Хотя признаю от имени всего остального дома Гогенцоллернов, что он целиком и полностью не прав. К тому же в случившемся есть огромная доля моей вины, ведь я, устав после вчерашней тренировки, проспал ваш приезд в своей комнате, хотя должен был дожидаться вас по приказанию фройляйн Астры.

Он замолчал, так и не разогнувшись.

– Это что? Шутка? – нахмурившись, спросил я, откровенно хлопая глазами и не понимая, как мне реагировать на внезапного гостя.

– Нет, глава! Я абсолютно серьезен! – ответил парень. – Ваши высочества! Смирно прошу вашего прощения!

– Э-э... – первой глубокомысленно выдала чуть быстрее сестры отошедшая от поражения сансарным выбросом Нинка. – А вы?

– Виконт Фридрих фон Гогенцоллерн, ваше высочество Нина Святославовна! – представился гость.

– Хорошо, виконт. Я прощаю вас, – степенно кивнула девушка, беря себя в руки. – Но больше так не делайте!

– Я также прощаю вас, – выдавила из себя Инна, вцепившаяся клешом в мою рубашку.

– И все-таки это, наверное, шутка! – пробормотал я, продолжая рассматривать парня.

– Кузьма? – Зайка потрясла меня за плечо. – Тебя что? Тоже сильно приложило?

– Со мной все в порядке, – ответил я. – Вы посмотрите, во что он одет!

– Кто знает? – произнесла Инна. – Может быть, виконт просто очень экстравагантный человек.

– Ага, – фыркнул я. – Настоящий «Одноударник»! Даром что Фридрих и не косоглазый!

– А-а. Вот вы о чем, глава! – парень по очереди посмотрел на свои руки в красных резиновых перчатках, желтое подпоясанное трико, красные же и не менее резиновые сапоги и белый плащ Супергероя, так, словно бы видел свою одежду в первый раз в жизни, затем слегка покраснел и смущенно улыбнулся. – Понимаете ли, я долго жил в Японии и, можно сказать, фанат этого персонажа. А когда покори́л седьмой ранг воина, выкупил права на образ у автора. Вот... Похож – не правда ли?

– А хрен ли сейчас так вырядился? – возмутился я.

Глава 4

Выпросив у цесаревен прощение, парень заметно расслабился, а на мой вполне логичный вопрос о его маскарадном костюме только пожал плечами и сказал, что, проснувшись и узнав от прислуги о свершившейся в замке смене хозяина, просто нацепил на себя первое, что попало под руку. Естественно, что это была тренировочная одежда, в которой он вчера весь день занимался «гиперактивной медитацией».

При упоминании этой тренировочной практики для воинов высокого ранга я непроизвольно поморщился. Мой наставник сам был Воеводой и учил меня – колдуна – лишь тому, что знал. И так же как он, я очень не любил эту методику, позволяющую воинам, особенно с открытой седьмой чакрой «Сахасрарой», поддерживать ее в этом состоянии. Так что хотя это и считалось очень полезным, в том числе и для меня, я пользовался другим, можно сказать секретным, пассивным способом, придуманным моим учителем, не желавшим тратить свое драгоценное время на подобную ерунду.

К тому же я просто физически не мог бы пользоваться классической «Гипактацией Воевод», потому как там как минимум в течение часа требовалось держать седьмую чакру полностью раскрытой. А так как суицидальными наклонностями я не страдал, то и экспериментировать над собой даже не пытался.

Метод же Варяга подходил мне почти идеально, позволяя оставлять опасный сансарный узел полностью заблокированным. Да и вообще, этот способ энергетической закалки тела и меридиан прекрасно совмещался с любой активной деятельностью. Например, с тренировками в колледже. В то время, как в состоянии «Гипактации», в чем-то схожей с классической боевой медитацией, человек не мог параллельно заниматься чем-то еще.

А все потому, что Воеводам приходилось сжимать примерно в шестьдесят минут реального времени весь многоуровневый комплекс упражнений, рассчитанный на почти сорок часов непрерывных занятий и желательный к выполнению несколько раз, каждый божий день.

Помню, что когда наставник первый раз рассказал мне об этом специфическом действе, я еще возмутился, что, мол: «Как такое может быть? В сутках же двадцать четыре часа, и уж тем более невозможно выполнять подобное долгое упражнение аж несколько раз в один и тот же день!»

Тогда Варяг, усмехнувшись, ответил мне: «Вот именно поэтому и говорят обычно, что у Воинов только четыре настоящих ранга. Остальные, с пятого по седьмой, просто недостижимы для обычного человека. И, как ты теперь знаешь, не только из-за того, что не каждому дано переступить порог следующего уровня. Но и из-за банального отсутствия знаний, необходимых, чтобы хотя бы достигнуть его и не откатиться назад».

«Именно поэтому у китайцев с их культом воинских искусств основная масса достигает только третьего ранга? В Воевод – или как там у них... Луней! То бишь Драконов – чуть ли не меньше, чем у нас?» – спросил я тогда.

«Именно! – степенно кивнул тогда наставник. – Мало того. Чтобы пройти полностью дорогу четвертого ранга и перешагнуть на пятый, человеку уже требуется бросить все и только и делать, что тренироваться, изредка отрываясь на еду и короткий сон. Так что уже Ротмистры, чтобы не выпадать из нормальной жизни, начинают постигать азы гиперактивной медитации».

Заметив проскочившую на моем лице мину после упоминания тренировочной техники, Фридрих слегка затравленно и глупо улыбнулся, явно подражая своему любимому персонажу. Мол: «Хорошо, что ты, колдунишка, слышал об этом – знал бы еще, что это за ад такой!» Но ничего не сказал, а вместо этого подошел к уже очухавшемуся Карлу-Фердинанду и присел перед ним на корточки.

Безземельный принц затравленно посмотрел сначала на него, а затем на меня.

– Ну и зачем ты все это затеял, Карл? Что тебе неймется? На совете же давно уже решили и тебе не раз говорили, что ты – бастард, пусть и признанный, и трона главы дома Гогенцоллернов тебе не видать как своих ушей, – безразличным голосом произнес парень, а затем ухватил мужчину за шиворот и без каких бы то ни было видимых усилий поставил его на ноги под жалобный треск явно очень дорогого костюма.

Карл-Фердинанд, к его чести, почти мгновенно взял себя в руки, одернул полы своего очень похожего на сюртук пиджака и, потеряв еще раз шею, метнул на меня злобный взгляд, после чего произнес:

– Я не стыжусь своих благородных родителей, Фридрих, – он еще раз с вызовом посмотрел на меня. – Можно ли то же самое сказать об этом безродном чужеземце, присвоившем себе наше великое имя...

– Карл, – покачал головой парень с кислой ухмылкой на лице, с которой взрослые выслушивают детские глупости, хоть его собеседник и был много старше его. – Может быть, мне тебе напомнить, что тебя вытащили из той дыры, в которой ты жил, признали и сделали человеком только по той причине, что род прусских принцев фактически прервался после Магической войны? Вообще-то твой папаня «помнить не знал» о твоём существовании. И ты еще смеешь открывать рот на нашего нового главу, герцога двух Империй, будущего супруга русской цесаревны Нины Святославовны и уже «супруга в магии» цесаревны Инны Святославовны. Да еще к тому же человека, которому с благословения самого его величества Максимилиана Третьего был дарован титул паладина Рейхскроны и о чьей помолвке со своей младшей сестрой Брунгильдой Наипрекрасной Каролинг было объявлено его же устами нынешним утром!

Вот тут паренек проговорился. Проспал он – как же. Прилетели мы сегодняшним утром, тогда же этот «пальтодаритель» ляпнул что-то про свадьбу. Как он мог об этом узнать, если дрых без задних ног после вчерашней тренировки?

– ...Хотя я не очень понимаю, – пробормотал Фридрих и покосился на Нину, – как его величество представляет себе еще один полноценный брак, с благословения церкви, при учете всего выше сказанного...

Девушка просто пожала плечами. Как я понял по ее реакции ранее, да и сейчас, этот вопрос ее не очень-то волновал, да к тому же сестры считали Максимилиана немного... альтернативно одаренным.

– Обещал – не значит «женил», – фыркнул Карл-Фердинанд, и хотя, похоже, сказано было что-то другое, лингва-модуль подсунул мне именно эту идиому. – И вообще – это же Каролинги! Папские выкормыши!

Кажется, он все-таки вначале сказал что-то куда как более грубое или неприличное, нежели было мне переведено, потому как на скулах любителя супергероев даже заходили желваки. Впрочем, несмотря на все выверты автоматического перевода, маджи-искин, видимо не дождавшись профессиональной калибровки, похоже, начал подгонять эмоциональную составляющую речи, так как механические нотки начали из нее постепенно исчезать.

– Да ты совсем умом тронулся! Слово императора – нерушимо! – резко ответил ему Фридрих. – А уж то, какой прием ты умудрился устроить нашим дорогим гостям императорской крови!!! Что теперь о нас подумают в Российской империи?

– Я имею право! – резко взвизгнул аристократ, до белизны сжимая кулаки и рывком поворачиваясь к грозно смотревшему на него Кемпфер-Кайзеру. – Эта варварская страна незаконно оккупирует мои родовые земли...

– Эй, неуважаемый, – перебил я его. – А не ты ли, морда твоя бесстыжая, не далее как сегодня днем, уверял меня, что претензий на нашу Калининградскую область не имеешь?

– Правда, что ли? – удивленно посмотрел на меня Фридрих. – Этот непримиримый ястреб войны?

– Я вынужден был сделать это под давлением! – еще на тон выше заорал Карл-Фердинанд и аж затрясся от ярости. – Моя жизнь была под угрозой и...

– Ой, дура-а-а-а... – протянул парень, обреченно качая лысой головой. – Заткнись, Карл! Иди в свою комнату и приведи себя в порядок. Я запрещаю тебе выходить оттуда...

Тут Фридрих, видимо, вспомнил, что рекомендовался он в присутствии вроде как «хозяина» замка и, посмотрев на меня, добавил:

– ...если, конечно, наш глава тебе позволит иное, – закончил он, выжидающе уставился на меня, рассчитывая, видимо, что я подтверждаю его слова.

– Не позволю, – холодно ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Какое-то время мы бодались взглядами. Этот парень, виконт, явно не привык общаться с приблизительно равными себе по личной силе людьми примерно своего возраста. Не знаю уж, откуда он вылез и о какой именно фройляйн Астре говорил, хотя и подозревал, что, скорее всего, так на самом деле звали мою бабушку, жену старого хрыча, Виолетту Семеновну. В любом случае в этом мы с ним были похожи.

Наконец, когда воздух между нами отчетливо завибрировал от избытка направленной сансары, он улыбнулся и слегка поднял руки вверх, ладонями ко мне.

– Все – понял... – произнес он, отступая на шаг. – Каковы будут ваши указания, глава?

– В холле замка на чемоданах ожидают тридцать четыре человека, давших этому, – я кивнул головой на хмурого принца, – вассальную клятву и отказавшихся подписывать со мной «Рабочую унию». Сегодня они должны покинуть замок, вот пусть в первую очередь займется их проблемами. А потом... от слов своих я не отказываюсь, он и его семья могут и дальше оставаться жить в замке... в качестве его гостей. Хозяйничать его людям я здесь больше не позволю.

– Мы уже связались с управляющей компанией, имеющей отличные рекомендации, которая готова заняться администрированием этого объекта, – промурлыкала Инна. – Что же касается того, какая встреча нам здесь была оказана домом Гогенцоллернов, то можете не беспокоиться. По определенным причинам...

Фаворитка нежно прильнула к моей руке, а Нина с той же улыбкой на лице синхронно повторила ее жест.

– ...мы не в обиде.

– К тому же мы прибыли в вашу страну как частные лица, – добавила Зайка.

– И вот еще что, «принц»... – произнес я. – Постарайтесь за оставшееся время не попадаться мне на глаза.

Карл-Фердинанд нехотя кивнул и, сутулясь, направился к двери. Однако, не дойдя до нее, остановился возле фаната «Одноударника» и прошипел:

– Ты предал меня, Фридрих! Заявившись сюда, ты обещал помочь мне избавиться от... – он затравленно посмотрел на меня. – Иностранца...

– Правда, что ли? – вполне искренне удивился парень. – Я тебе всего лишь сказал, что прибыл сюда из-за скорого визита Космоса. А все остальное, Карл, ты придумал сам, вместе со своими подпевалами. С какой радости мне тебе помогать? Ты, Карл, заигрался в политику, которая тебя не касается, и во всем видишь продолжение своих или чьих-то чужих интриг. Вот в результате и надел уздечку коню на жопу.

Последнее выражение, как я понял, было аналогом нашего «опростоволосился», потому как аристократ резко отвернулся, прошипев себе под нос что-то нечленораздельное, и, расправив плечи, холодно поинтересовался у меня, позволено ли ему будет отправиться к своим вассалам. Получив безразличное «да», резко развернулся и быстро вышел вон.

Кстати, уже некоторое время, пообщавшись с аристократами, как нашими, так вот теперь и с немцами, я стал замечать одно явное их отличие от простолюдинов. В то время как последних, в том числе и меня, очень сильно задевало именно «презрительное» отношение к себе,

благородным на таковое было совершенно по барабану. Зная свою истинную цену, эти люди в основной массе просто игнорировали ситуации, в которых на них кто-то смотрел свысока или как на кучку собачьих экскрементов, каким-то образом оказавшуюся на парковой дорожке.

Нет, они, конечно, могли возмутиться, а то и вызвать на дуэль с самыми разными последствиями, вот только по-настоящему задеть их подобными ужимками как человека было очень трудно. Ну не работало в этой среде классическо-пролетарское: «Ты здесь никто, и звать тебя никак!»

Зато если показать, что тебе на них совершенно наплевать, то у подобной публики начинался откровенный зуд в нижней полусфере. Наверное, по той причине, что подобное отношение хоть и обидно для привыкшего мнить себя пупом земли человека, но вряд ли может рассматриваться как прямое оскорбление.

– Придется с ним еще раз поговорить, – со вздохом произнес Фридрих, когда за Карлом-Фердинандом закрылась дверь. – А то как бы не учудил чего по глупости.

– Сколько угодно, – ответил я. – Итак, я вас слушаю.

– Что? – парень опять глупо улыбнулся, похлопав глазами.

– Виконт, – слегка нахмурился я. – Хватит уже кривляться. Не забывайте, что я тоже смотрел «Одноударника».

– А, ну да, – мгновенно посерьезнев, кивнул Фридрих. – Простите, глава. Просто поймите меня правильно, подобные увлечения очень необычны для моего круга общения, а я уже так сросся с этим персонажем, что даже не замечаю, когда надеваю его маску. Вы не поверите, как это удобно для переговоров, когда никто не понимает, о чем ты на самом деле думаешь, и воспринимает тебя как...

– И все же, – перебил я его, – какое у вас ко мне было дело?

– Хм, – он, кашлянув в кулак, покосился на девушек, а затем, тяжело вздохнув, произнес: – Космос, точнее – Кузьма. Давай смахнемся? Я слышал, что ты неплохой боец, я тоже вроде что-то из себя представляю. Давай забацаем поединок!

– Нет! – дружно, хором, как будто готовились к этому, выкрикнули сестры цесаревны. – Нельзя. Это очень опасно!

– А еще Кузьме наш отец драться запретил! – выбилась из синхронизации с Ниной Инна.

– И вообще! Устраивать поединки седьмых рангов – верх безответственности! – добавила Зайка. – Особенно для Кузьмы!

– А давай, лысый, – усмехнулся я, глядя в глаза парню. – Почему бы и нет...

– Кузьма! – хором возмутились мои красавицы.

* * *

Поединок решили проводить на небольшом заснеженном поле в нескольких километрах от замка, в бывшем природном заповеднике Цоллерхальде, входившем в его административные земли, которые каждую осень сдавались местным фермерам. Так что даже если на его месте в результате останется огромная воронка – пострадает разве что пустующая зимой ферма да озимые, высаженные нынешним арендатором. Впрочем, Фридрих заявил, что вопрос он решит, и так как это была его инициатива – финансовая сторона вопроса меня не коснется.

Драться договорились без оружия, а начать планировали с утра пораньше и без лишних свидетелей, хотя девчонки, а вместе с ними и внезапно возникшие в кабинете русский капитан с немецким сержантом ни в какую не хотели отпускать меня одного. Пришлось, вначале мне самому, а затем уже в два голоса и почти на пальцах объяснять, что в то время как нам с любителем аниме, скорее всего, грозят разве что синяки да слегка порушенная гордость, для наблюдателей развлечения обладателей седьмой чакры могут закончиться очень и очень плохо.

В общем, договорились. Все волнующиеся за мою шкуру, а также прочие заинтересованные стороны погрузятся кто на вертолет, а кто на «Сирин» и будут наблюдать с максимально безопасной дистанции. Мы же в свою очередь обещали особо не расходиться и не терять голову. Во всех смыслах.

Ночью же, когда мой противник, скорее всего, вовсю готовился к поединку, я держал оборону от двух разъяренных цесаревен, которые хоть на людях и не стали особо выступать против моего слова, чуть позже, когда мы остались одни, решили расставить все точки над «i». Первый настоящий семейный скандал вышел знатным! Юных принцесс понять было можно – обе, действительно, чисто по-женски переживали за меня, и в то же время – воспитание.

Привыкли мои девочки к тому, что если они говорят «нет», то это значит именно «нет» и точка. А тут я – такой красивый и непослушный! Надо, конечно, понимать, чья именно кровь в них играет. Ведь их общий отец – в историческом плане фигура уровня Ивана Грозного или же Петра Первого да Иосифа Виссарионовича. Тут каждый выбирал, что ему ближе. Однако отрицать влияние Святослава Вершинина как личности и политика никто не пытался. Все же не каждому дано победить в Третьей мировой, плавно перетекшей в Первую магическую, провести Реставрацию, возродив Российскую империю буквально из пепла СССР, а главное, удерживать все это в рабочем состоянии уже более сорока лет.

С моей же стороны, хоть я любил и уважал своих девочек и с удовольствием прислушивался к ним в тех вопросах, где ничего не понимал, а то и вовсе разрешал им рулить самостоятельно, чрезмерную заботу не терпел еще со своего колысочного детства. Не нужны мне были еще две мамы, грудью, авторитетом и способностями готовые оградить меня от проблем.

В общем, крики, обиды, обвинения, слезы, взаимные прощения, обнимашки и поцелуи. Все стадии настоящего семейного скандала были пройдены мною с достоинством вернувшегося с завода пролетария. А потом, когда Нина ушла в свою комнату, я шокировал Инну тем, что спать мы сегодня будем раздельно. И не потому, что я такой обидчивый, ведь именно старшая сестра разорялась в процессе больше всех, а потому что так надо.

Во-первых, по-моему, просто неправильно делать «это», когда Нинка за соседней стеной. А во-вторых – мне тоже надо было подготовиться к завтрашнему «представлению». Впрочем, девочки мне жестоко отомстили, потому как когда я совершенно «внезапно» проснулся с первыми лучами солнца, в кресле, установленном рядом с кроватью, сидел улыбающийся чему-то Сафронов, задумчиво глядевший в окно.

– Эм... Э-э... Андрей Иванович? – протянул я, когда осознал, что наш ректор мне не снится, а действительно развалился в пододвинутом на середину комнаты кресле. – Вы ли это?

– Проснулся наконец-то... – хмыкнул тот, медленно повернув в мою сторону голову. – Ну, здравствуй, Кузьма. Хорошо выспался?

– И вам доброе утро, – кивнул я и добавил: – Более-менее. Чем обязан столь, э-э, раннему визиту?

Ну, не спрашивать же на самом деле этого очень непростого человека: «Какого хрена вы забыли с утра пораньше в моей спальне и на кой ляд вообще приперлись?» Хоть и очень хочется.

– Да вот, – усмехнулся ректор, – заглянул к вам узнать, по какой причине четверо моих учеников в последнее время злонамеренно прогуливают занятия. Вот, например, вчера. У нас была среда. Не выходной и не праздник, а вполне стандартный будничныи день, а как доложили мне взволнованные преподаватели, Ефимов и его компания в очередной раз прогуляли занятия. Кое-кто с дипломатического даже утверждает, что ты очень плохо влияешь на девочек-отличниц и подаешь дурной пример остальным ученикам.

– Вы вот сейчас это серьезно? – спросил я, удивленно глядя на герцога. – Вы действительно за этим приехали...

– М-м-м. Может быть, да, а может, и нет, – выдал после короткого молчания Сафронов, после чего расхохотался. – Видел бы ты сейчас свое лицо! Ты вообще, можешь себе представить Грема Фишшина обеспокоенным такой ерундой, как прогул? Вот и я не могу. А на дипломатическом у нас работают такие зубры, которым твой преподаватель на один зубок. Да и мы в ректорате не звери. Прекрасно понимаем твою ситуацию.

– Тогда зачем вы здесь? – совсем сбитый с толку произнес я. – Только не говорите, что из-за сегодняшнего спарринга. Это как-то...

– Хм... ну и из-за него, в общем-то, тоже. Да и вообще, ты что? Не рад меня видеть?

– Да нет. В общем-то... рад, – не сказать, чтобы я слукавил, но все же. – Просто неожиданно как-то. Открываю я глаза, а вы – здесь. Если уж ночью прилетели, то подождали бы меня в более удобной обстановке... а то как-то...

– На самом деле, – усмехнулся ректор, – я только что тут появился. Только об этом еще никто не знает, кроме тебя. Отложил кучу важных дел, между прочим. Так что цени!

– Это как? – удивился я. – Телепортировались, что ли? Но это же...

– Можно и так сказать. Но на самом деле, если брать терминологию научной фантастики, то скорее «прошел собственноручно созданной червоточиной». У вас на первом курсе «Теорию сансарных колебаний» не дают, так что ты просто не знаешь, что океан сансары не однороден и имеет особые течения арканы, а одаренные, словно камушки брошенные в воду, создают вокруг себя своеобразные волны. Это называется «Эффект эха», и у каждого человека он уникален, и сила его напрямую связана с рангом одаренного. Так вот маги с аспектом «Метамагии», как я, или других энергетических структур вроде света, способны улавливать и различать сильное «Эхо», а те, кто посильнее – «Оседлать течение» и «Пройти волной» к нужному человеку, перенеся таким образом через океан сансары собственное материальное тело...

– Б-р-р-р! Стоп! Ваша светлость! Пощадите! Это все очень интересно, но я только-только проснулся! – взмолился я, совсем не горя желанием слушать с самого утра лекции на подобные темы. – Да и вообще... А если бы я сейчас был не один. Или еще лучше – сидел на толчке?

– Тогда бы мне пришлось извиниться и немного подождать с этим разговором, – ехидно улыбнулся Сафронов. – Или стать свидетелем того, что вы нарушили свое слово, данное его величеству.

– Ну-ну, – буркнул я, гадая, кто еще посвящен в наши с Ниной секреты.

За разговором я начал одеваться. Если уж нашего ректора не смущало то, в каком виде он меня застал, так чего мне, собственно, смущаться? Разговор как-то сам собой ненадолго угас. Андрей Иванович с интересом рассматривал шикарные пейзажи, открывающиеся из окна этой комнаты, а я все гадал, каким, собственно, ветром или течением занесло сюда ректора на самом деле.

– И все же, – не выдержал я наконец молчания, когда более-менее привел себя в порядок. – Зачем вы здесь?

– Его величество очень недоволен сложившейся ситуацией, в том числе твоим самоволием, – повернувшись ко мне, произнес Сафронов. – Прежде чем разворачивать самолет и сломя голову нестись в незнакомую страну, тебе следовало бы спросить у взрослых, стоит это делать или нет. Тебе, балда, зачем личный номер поверенного его величества Федора Игнатьевича был даден? А? Просто так?

– Но это... – запнулся я под строгим взглядом ректора. – Я подумал, что так будет правильно. Да и вообще, Андрей Иванович, давайте говорить прямо! Хотели бы нам это запретить – и наш самолет спокойно сел бы во Внуково. И Нину бы никто никуда не пустил!

– Много ты понимаешь! – фыркнул Сафронов, вновь устраиваясь в кресле. – Запомни, Кузьма, – детство закончилось! Ты у нас Аватар, имперский герцог! Запрещать или разрешать тебе что-либо, а также утирать тебе нос никто не будет, за все твои косяки придется отвечать

в будущем самому, по полной программе. Но это не значит, что ты можешь творить все, что тебе заблагорассудится и думать левой пяткой!

Перестав прожигать меня глазами, он вновь уставился в окно и спустя пару секунд продолжил куда как менее экспрессивно:

– Помнишь, в нашу вроде бы первую встречу я тебе говорил, что «государство – это мы!» – Аватары и Воеводы, носители седьмой чакры.

– Помню.

– Так вот, заруби себе на носу, Кузя. Ты теперь фигура публичная. Да ты должен привыкнуть действовать самостоятельно, ответственно и думать своей головой. Но повторяю – если в чем-то не разбираешься, не стесняйся спрашивать совета. Нет в этом урона твоей чести, хотя бы в силу твоего юного возраста!

– Да я так и делаю, в общем-то, – пожал я плечами. – Если чего не знаю, то всегда прислушиваюсь к другим. К тем же Нине и Инне, сами можете у них спрос...

– Ефимов, – оборвал меня грозный рык Сафронова. – Цесаревны – еще маленькие девочки, и мозгов у них, судя по некоторым поступкам, не больше, чем у тебя! Да, они очень талантливы, но им, как и тебе, не хватает знаний и опыта! Но, в отличие от одного самонадеянного балбеса, у них хватило ума, после того как ты принял вызов на поединок, отзвониться отцу!

– Хех, – криво улыбнулся я. – Наябедничали, да что такого-то в том, чтобы мы с Фридрихом помахали кулаками. Подумаешь. Нельзя, что ли!

– Ох, дети! И ты, и этот ученичок твоей бабки! – покачал головой ректор и махнул рукой. – Два самонадеянных дурака, ничего не знающих об этом мире!

«Так. Этот парень ученик Виолетты Семеновны? – с удивлением подумал я. – А я и не знал, что она одаренная».

– Ладно, об этом поговорим позже, а сейчас я должен передать тебе слова его величества, – произнес Андрей Иванович и, откашлявшись, выдал: – «Уделай его, зятек, а не то шкуру спущу!», а твой дед просил добавить, что если позволишь себя взгреть выкормышу этой «старой грымзы», то он с удовольствием поможет Святославу, а потом еще выдерет тебя так, что неделю ходить не сможешь.

– Да пошел он! – возмутился я, а затем, подумав, что понять меня ректор может неправильно, поспешил добавить: – Я... это про старого хрыча, а не про его величество.

Какого-либо пиетета к бабке я не испытывал. Как по мне, так она казалась мне еще хуже своего муженька, ну или как минимум они были два сапога пара! Особенно нелестно ее, на мой взгляд, характеризовало то, что за все эти годы, а особенно когда мальчик-инвалид так нуждался хоть в чьей-либо помощи, она так и не появилась в моей жизни. И это при ее-то возможностях как второго, а то и, если говорить объективно первого человека в Землях Германской Нации.

И вот не стоит мне говорить про какие-то обстоятельства и тому подобное. Мы просто были ей не нужны, а понадобился конкретно я – и то только потому, что стал Аватаром. И вот тут пожалуйста. Коротенькое «прости» в конвертике, от щедрот своих титул, который мне нафиг не сдался, и звание, и даже замок, который в карман не положишь и домой не увезешь! Ну а заодно – немного проблем, дабы посмотреть, как я умею бултыхаться.

В этом смысле даже дед был куда как честнее. Он хоть с подарками в душу не лез, и хоть от него мне тоже перепал герцогский титул, вот только произошло это после того, как мы сами с Нинкой дел натворили...

– Я уже понял, – с неодобрением посмотрел на меня Сафронов. – И все-таки помирился бы ты с дедом.

Проговорили мы еще с полчаса. Как оказалось, девчачьи страхи, из-за которых сестры цесаревны переполошили вчера своим звонком весь двор, никто собственно всерьез не воспри-

нимал. Похоже, на моих принцессок просто так повлияла вчерашняя небольшая демонстрация силы, устроенная Фридрихом, вот и сработал первичный женский инстинкт: «Ой! Васенька, не надо! Ты же его убьешь!»

Как оказалось, схлестки между седьмыми рангами по поводу и без, особенно между представителями разных государств – вполне себе приветствовались и даже считались делом вполне полезным. Как для самих высокоранговых магов и воинов, так и для государства, которое они представляли. Так что запрещать нам бить друг друга морды никто, в общем-то, и не собирался.

Вопрос был в другом. Это мы, молодые да неразумные, сводили все к «выйдем, поговорим», а для специалистов, занимающихся делами сильных одаренных, как у нас, так и у немцев, подобное было сродни испытанию ядерного оружия. Фактически своеобразный фактор взаимного сдерживания в миниатюре, а потому даже такой поединок, как наш, между «воином» и «колдуном» – не принято было оставлять без внимания.

Частично именно из-за этого, а также зная мои проблемы с аспектом и седьмой чакрой, о чем было неизвестно пока что немцам, Сафронов и появился с утра пораньше в нашем замке. Ну а заодно в его задачи входило ни много ни мало, а своим авторитетом подтвердить мою легенду о том, что у меня огненный аспект. Если, конечно, возникнут какие-нибудь вопросы.

Ну да – огненный. Видите – полыхает весь! Причем своеобразный, с дополнительными спецэффектами! А то, что черные искорки летают, да и вообще ересь при полной активации чакры творится – так это просто пламя такое. Особое. Незачем нашим соседям по глобусу знать лишнего про антиматерию.

К тому же, по его словам, в ближайший час-два стоило ожидать еще одного гостя. На этот раз от принимающей стороны. Ведь даже если сам Фридрих никому ничего не сказал, то о предстоящем событии точно был в курсе сержант из Штази, а он держать язык за зубами просто не имел права.

Так и оказалось. Причем это был мой знакомый – тот самый крысеныш из свиты императора, оказавшийся хорошо знакомым Сафронову. Причем прибыл он в то время, как, закрывшись в кабинете, Андрей Иванович вовсю распекал нас с Инной и Ниной за все вольные и невольные, свершенные и нет прегрешения.

Ну а заодно назвал настоящую, куда как более вескую причину того, почему его величество направил его к нам, срочно оторвав от всех дел. Сафронов должен был выступить в роли тяжелой артиллерии. Императору очень не понравилась та подковерная игра, которую немцы затеяли вокруг моей фигуры.

И вопрос вовсе не в демарше Максимилиана и его матримониальных планах на мою персону, ведь пока что его слова всего лишь сотрясение воздуха и ничего более. К тому же Максимка среди серьезных людей считался тем еще балаболом, а рука ее высочества Брунгильды «Die schöne Jungfrau» Каролинг уже раз пять была обещана к этому моменту разным аристократам, причем с неизменным гешефтом для самого германского императора.

Из-за этого, в то время как Максимка получал временную политическую выгоду, в основном страдала репутация этой ни в чем не виноватой, в общем-то, девушки. В кругах высшей знати даже поговорка появилась: «Торговать лицом своей сестры – не зазорно и выгодно! Ведь поставлять потом товар покупателю вовсе не обязательно!» Именно ее и произнес тогда Карл-Фердинанд Фридриху, в то время как лингва-модуль перевел мне ее как: «Обещал – не значит женил», видимо, для того, чтобы до меня дошел общий смысл этой фразы.

Именно по этой причине Зайка не то что не оскорбилась поведением «венценосного собрата» и не посчитала его слова оскорблением собственной чести, да и вообще отнеслась к якобы «помолвке» индифферентно.

Так вот с немцами все упиралось в то, что на дворе был не двадцатый, а двадцать первый век и понятие «двойное гражданство» отсутствовало как в нашей Империи, так и у немцев.

Даже для простолюдинов и уж тем более для Аватаров. Что, в общем-то, логично для почти ультимативного оружия магической эпохи.

Титул в иностранном государстве – сколько угодно! Это даже в чем-то полезно, учитывая, что через него можно безопасно попытаться оттяпать кусочек чужой территории. Как, например, произошло с бывшей Троей, развалины которой вместе с куском территории на Анатолии великий султан неаккуратно подарил вместе с титулом «визиря» русскому дипломату Антону Пешкову, послу, занимавшемуся проблемами принадлежности Константинополя после окончания Первой Магической войны. А затем обнаружил на своей территории хорошо укрепленный и защищенный русский анклав, да еще и с выходом к морю.

В этом смысле со мной поступили куда как хитрее, назначив в первую очередь главой дома и подведя уже под это общественные земли чисто немецкого рода Гогенцоллернов, что в международных законах накладывало кучу ограничений на отторжение. А не просто выдали кусок земли и титул. Причем, как оказалось, мои отличницы, первокурсница и второкурсница, подобные тонкости еще не проходили, а потому Сафронов смачно макнул обеих цесаревен, похоже, имевших, в отличие от меня, кое-какие планы на эту земельку.

Так вот – у человека, тем более Аватара, как, например, и у водородной бомбы – просто не могло быть двух «хозяев». И вот тут, в моем отношении, немцы почти вплотную подошли к очень опасной черте, собственноручно записав меня в вассалы к Максимке только на основании моего родства со Стальным канцлером и Гогенцоллернами. От немедленного же гнева русского императора их спасало только то, что, будучи хитрыми и очень умными, они просто капали всем на мозги вроде бы самым как свершившимся фактом, но даже и не думали подкатывать ко мне напрямую с подобным вопросом.

Все хитро, я бы даже сказал, по-иезуитски. С одной стороны – вода камень точит, а сейчас вроде как всего-то упали первые капли. А с другой стороны, всегда можно дожидаться момента, когда обласканный с той стороны границы вьюнош однажды споткнется и сам побежит в тихую гавань к добрым бюргерам. А то и при необходимости создать таковую ситуацию, а потом разводить руками и делать русским непонимающие глаза. Мол: «А мы-то что? Это у вас в стране бардак! Аватары даже бегут от вас, теряя портки!»

В частности, именно поэтому папаня Нины и Инны желал, чтобы мы как можно быстрее вернулись домой. Желательно в ближайшие несколько дней и непременно до католическо-протестантского Рождества, в силу каких-то там политических соображений. Однако при всем при том, по мнению его величества, пообщаться с всплывшей родственницей мне все-таки следовало. И именно потому он и отправил сюда Сафронова. Дабы он ускорил процесс, а заодно придал своей фигурой весомости моей, скажем так, «фракции».

Глава 5

Мобильная платформа, взрывая всеми десятью колесами пушистый белый снег, притормозила и, чуть подвернув, остановилась перед опрятеньким домиком, словно бы сошедшим с пасторальных картинок о сытой жизни немецких бюргеров. Как просветил меня Фридрих, стиль, в котором он был выстроен, назывался «Avantgarde-Fachwerk», что на русский язык переводилось как «Авангардный каркас» и являлось творческим переосмыслением германскими зодчими немецкого «Фахверка» – традиционной европейской архитектуры.

А еще парень с гордостью заявил, что этот домишко, как и многие другие во владениях Гогенцоллернов, от подвального помещения и до крыши напечатан на мультиматериальном строительном принтере. После чего пустился в объяснения, что это такое и как это работает, однако не нашел в моем лице благодарного слушателя, удивленного чудесами местных технологий.

Пришлось объяснить виконту, что в далекой варварской заснеженной России подобным способом целиком возводят разве что подсобные здания да временки, потому как напечатанные конструкции, может быть, и хороши для мягких европейских зим, но наши морозы выдерживают с трудом. Да и вообще не тянут на капитальное строительство.

Правда, дальше углубляться в эту тему я не стал, так как знал о печатном строительстве не так уж и много. Часто видел, как гоняли по Чулыму тягачи с принтерами на прицепе и как потом они автоматически разворачивали над подготовленными котлованами конструкции из ферм и натягивали защитные чехлы, которые, свернувшись через день, являли миру новое здание.

Строения в итоге получались аккуратные, совсем как этот домик, прилизанные и какие-то, прямо так скажем, игрушечные. Понятно, что строили у нас так в основном сараи, разнообразные деревенские магазины и прочие гаражи с общественными туалетами, однако ничто не мешало забабахать хоть коттедж, хоть особняк, хоть дворец – дай только задачу застройщику подготовить соответствующий проект. Вот только, несмотря на дешевизну подобного процесса, желающих жить в подобном суррогате на постоянной основе не наблюдалось даже среди малоимущих семей, ведь отгрохать стены и крышу в наших условиях это даже не половина дела.

В любом случае весь этот разговор о строительстве возник только из-за того, что я поинтересовался – не станет ли проблемой, если мы разворотим случайно небольшую ферму, возведенную рядом с полем и, по словам Фридриха, в этот сезон пустую. Вот лысый и решил просветить своего диковатого главу дома о чудесах немецкой инженерной мысли.

Спрыгнув с платформы и велев мехводу возвращаться в замок, мы вместе с виконтом подошли к Сафронову и «Крысенышу», которые уже вовсю сутились возле какого-то прибора на треножнике, очень напоминающего обычный теодолит или, как называла его подружка моего новосибского соседа по общаге, учившаяся на землемерку – «Геодеземер». В то время как мы предавались диспутам на тему архитектуры, маститые аристократы собственноручно, отказавшись даже от помощи водителя, выгрузили контейнер с этим аппаратом, разложили его и сейчас о чем-то усиленно спорили, периодически щелкая многочисленными тумблерами и сверяясь с чем-то на электронном планшете.

К моему удивлению, после того как Сафронов намылил моей семейной ячейке шею и вместе с притихшими цесаревнами, очень похожими в этот момент на промокших цыплят, мы вышли поприветствовать высокопоставленного гостя, тот совершенно не удивился присутствию в замке нашего Андрея Ивановича. Да и вообще, похоже, воспринял этот факт как само собой разумеющееся.

Мейстер Хеммерлайна, которого звали Альберт Швазенмаер, вновь практически невозможно было отличить от мало чем примечательного, неквалифицированного Эмерита. Впрочем, вместо того чтобы размышлять о том, как он добивается подобного эффекта, я во время всей церемонии «приветствия» и последующего общего завтрака размышлял немного о другом вопросе.

Вот Андрей Иванович рассказал мне о «Теории сансарных колебаний» и сам явился наглядным примером того, что маги с чисто энергетическими аспектами могут в любой момент перенестись сквозь пространство к одаренному, распространяющему вокруг себя волны определенной частоты. И, наверное, зря он это сделал, потому как у меня тут же возник вопрос: а есть ли пределы у этой способности и как защититься от подобного вторжения в личную жизнь. Да и вообще, а вдруг, как говорится, война?

Ведь по большому счету магов-энергетиков довольно много! Как объяснили мне, темному, после инцидента с украденной карточкой, в утробе у матери все будущие одаренные обзаводятся предрасположенностью из очень небольшого списка конкретных направленностей. А в момент рождения происходит финальная трансмутация первичного аспекта, который в течение первых десяти лет не очень стабилен и может немного колебаться, из-за чего дитяtko, родившееся, например, с огненной направленностью и чистым аспектом, может в итоге стать носителем молнии, магмы, пепла и прочих многочисленных сродных с огнем аспектов.

А значит, что? А получается, что более-менее сильный маг, способный благодаря энергетической направленности аспекта к подобному перемещению в пространстве, становится идеальным диверсантом-убийцей! Для которого главное знать свою цель, а там уж даже магия не нужна, чтобы прирезать мирно спящего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.